Z 51/29
т. 5. с. 2. 1909

Z 51/29

Изданіе
Великаго Князя
Николая Михаиловича

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ

XVIII и XIX столѣтій

XXV-4350

22 илл

Edition du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch

PORTRAITS RUSSES

des XVIIIe et XIXe siècles

V томъ
2 выпускъ

TOME V
FASCICULE 2

1909

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ

St. PÉTERSBOURG
MANUFACTURE DES
PAPIERS DE L'ETAT

2007088100

26

Императрица АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА, 1798—1860, и Императоръ НИКОЛАЙ I, 1796—1855. Императрица Александра Ѳеодоровна, принцесса Фридерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина, дочь Прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III и знаменитой королевы Луизы († 19 Іюня 1810 г.), родилась 2/13 Іюля 1798 года. Вступила въ супружество 1 Іюля 1817 года съ Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ. Отъ этого брака были слѣдующія дѣти: Императоръ Александръ II (р. 17 Апрѣля 1818 г.), Великія Княжны—Марія (р. 6 Августа 1819 г.), Ольга (р. 30 Августа 1822 г.) и Александра (р. 12 Іюня 1825 г.), и Великіе Князья—Константинъ (р. 9 Сентября 1827 г.), Николай (р. 27 Іюня 1831 г.) и Михаилъ (р. 13 Октября 1832 г.). Императрица Александра Ѳеодоровна, переживъ Супруга, скончалась 20 Октября 1860 года.

„Намъ памятна еще", говоритъ Ровинскій, „ея величественная и стройная фигура, представлявшая законченный типъ нѣмецкой красоты". Пушкинъ съ восторгомъ описываетъ ея выходы на придворные балы, какъ она, „колеблясь, подобно лиліи крылатой", входитъ въ тѣсный кругъ придворныхъ:

„И надъ поникшею толпою
Сіяетъ царственной главою".

Императоръ Николай I Павловичъ, 3-й сынъ Императора Павла Петровича, отъ второго его брака съ Императрицей Маріей Ѳеодоровной, принцессой Софіей-Доротеей Виртембергской, родился 25 Іюня 1796 года. Великій Князь Николай Павловичъ вступилъ на престолъ 19 Ноября 1825 г., послѣ кончины Императора Александра I и вслѣдствіе отреченія Великаго Князя Константина Павловича. Коронованъ въ Москвѣ 22 Сентября 1826 года

Николай I скончался во время Крымской кампаніи 18 Февраля 1855 года.

О наружности Николая Павловича всѣ современники согласно говорятъ, что онъ былъ рѣдко красивый человѣкъ, съ фигурой стройной, высокой, „величественной и торжественной". Королева Викторія въ 1844 г. писала: „Видъ его безъ сомнѣнія поражаетъ, онъ все еще очень хорошъ собой, профиль его прекрасенъ, манеры полны достоинства и граціи", а герцогъ Мальмсбюри находилъ его „величественнымъ, съ замѣчательно красивыми чертами лица; онъ кажется старше своихъ лѣтъ, потому что очень полонъ и начинаетъ лысѣть; волосы у него бѣлокурые, во взглядѣ замѣтно легкое уклоненіе отъ прямизны направленія. Манеры его благородны и вѣжливы". Саксонскій посланникъ графъ Фицтумъ-Экштедтъ говоритъ о Николаѣ Павловичѣ: „Несмотря на свои 56 лѣтъ, его классическія черты дышали еще юностію. Фидій могъ бы по этой модели исполнить Зевса или бога войны. Вся фигура его имѣла что-то рыцарское".

(Съ миніатюръ Винберга; собственность Великаго Князя Михаила Николаевича.)

26

L'Impératrice ALEXANDRA FÉODOROWNA, 1798—1860, et l'Empereur NICOLAS Iᵉʳ, 1796—1855. L'Impératrice Alexandra Féodorowna, Princesse Frédérique-Louise-Charlotte-Wilhelmine, fille du Roi de Prusse Frédéric-Guillaume III et de la célèbre Reine Louise († 19 juin 1810), naquit le 2/13 juillet 1798, et épousa le 1ᵉʳ juillet 1817 le Grand-Duc Nicolas Pavlowitch. De ce mariage naquirent: l'Empereur Alexandre II (né 17 avril 1818), les Grandes-Duchesses Marie (née 6 août 1819), Olga (née 30 août 1822) et Alexandra (née 12 juin 1825) et les Grands-Ducs Constantin (né 9 septembre 1827), Nicolas (né 27 juin 1831) et Michel (né 13 octobre 1832). L'Impératrice Alexandra survécut à son Epoux et mourut le 20 octobre 1860.

„Nous conservons encore", dit Rovinsky, „le souvenir de sa majestueuse et gracieuse personne, un type accompli de beauté allemande". Pouchkine fait une description enthousiaste de ses entrées aux bals de Cour, lorsque,

„Se pliant, tel un lys flexible",

elle fend le cercle serré des courtisans,

„Et de tout son royal éclat
„Domine la foule inclinée".

L'Empereur Nicolas Iᵉʳ, troisième fils de l'Empereur Paul Iᵉʳ et de sa seconde femme l'Impératrice Marie Féodorowna, née Princesse Sophie-Dorothée de Wurtemberg, naquit le 25 juin 1796. Il monta sur le Trône le 19 novembre 1825, à la mort de l'Empereur Alexandre Iᵉʳ, par suite de la renonciation du Grand-Duc Constantin, son frère, et fut couronné à Moscou le 22 septembre 1826. Il mourut pendant la campagne de Crimée le 18 février 1855.

Physiquement, les contemporains sont unanimes à le reconnaître, l'Empereur Nicolas était d'une beauté rare, bien fait, d'une haute taille „majestueuse et imposante". La Reine Victoria écrit en 1844: „On est vraiment frappé en le voyant; il est toujours fort bel homme, un profil magnifique, des manières pleines de distinction et de grâce". Et le duc de Malmesbury le trouve „majestueux, avec des traits d'une beauté remarquable; un fort embonpoint et une calvitie naissante le font paraître plus que son âge. Il est blond et présente une légère déviation dans la direction du regard. Ses manières sont courtoises et nobles". Enfin le comte Fitztum-Eckstædt, ministre de Saxe, dit de lui: „Malgré ses 56 ans, ses traits tout classiques respiraient encore la jeunesse. Phidias eût pu le prendre pour modèle de Jupiter ou du dieu de la guerre. Il a dans toute sa personne quelque chose de chevaleresque".

(D'après des miniatures de Winberg, appartenant au Grand-Duc Michel Nikolaewitch.)

Графиня СОФІЯ ВЛАДИМІРОВНА СТРОГАНОВА, 1775—1845, дочь князя Владиміра Борисовича Голицына и княгини Наталіи Петровны, рожденной графини Чернышевой, родилась 11 Ноября 1775 г.; воспитаніе получила большею частью за границею, сопровождая мать въ ея путешествіяхъ по Европѣ. Выйдя замужъ въ 1793 г. за графа Павла Александровича Строганова (р. 1774 г., † 1817 г.), она, по рожденіи у нихъ въ 1794 г. старшаго сына, Александра, поселилась съ мужемъ въ Петербургѣ; благодаря дружбѣ графа Строганова съ Великимъ Княземъ Александромъ Павловичемъ, молодые супруги скоро сдѣлались самыми близкими людьми въ интимномъ кружкѣ великокняжескаго двора. Обворожительная красота графини Софіи Владиміровны одно время сильно увлекла Александра Павловича; графиня сумѣла, однако, съ достоинствомъ выйти изъ этого труднаго положенія и не только сохранить расположеніе Александра I, но и пріобрѣсти дружбу его царственной супруги, тѣсныя отношенія съ которой прекратились для нея только со смертью Императрицы Елисаветы. Полная взаимности любовь къ мужу и дѣтямъ и нѣжный уходъ за обожавшей ее престарѣлой матерью наполняли домашнюю жизнь графини Софіи Владиміровны, дѣлившей досуги свои между свѣтскими и придворными собраніями и непрерывнымъ интимнымъ общеніемъ съ Императрицей Елисаветой Алексѣевной. Но скоро семейное счастье ея подверглось тяжелымъ ударамъ судьбы: потрясенная до глубины материнскаго сердца смертью сына ея Александра, убитаго почти мальчикомъ въ 1814 г. въ битвѣ подъ Краономъ, графиня лишилась, три года спустя, своего мужа, умершаго отъ чахотки на 44 году жизни. Съ величайшимъ трудомъ добившись позволенія мужа сопровождать его въ морскомъ путешествіи за границу, по предписанію докторовъ, графиня Софія Владиміровна, по настоянію больного, предчувствовавшаго близкую кончину, съ отчаяніемъ въ сердцѣ, должна была въ Копенгагенѣ съѣхать на берегъ и вернуться черезъ Швецію въ Россію, гдѣ узнала о смерти мужа, наступившей черезъ два дня по ея отъѣздѣ. Охватившее ее горе заставило ея родныхъ опасаться за ея жизнь, и въ эти тяжелые для нея мѣсяцы проявилась съ необычайною теплотою сердечная привязанность къ ней Императрицы Елисаветы. Оставшись вдовою и пожизненною владѣлицею Строгановскаго майората, графиня Софія Владиміровна остальное время своей жизни проводила или въ имѣніи своемъ Марьинѣ, Новгородской губерніи, или въ Петербургскомъ Строгановскомъ домѣ, гдѣ у нея собирались не только цвѣтъ столичнаго и придворнаго общества, но и выдающіеся представители литературнаго и художественнаго міра. Скончалась она 70 лѣтъ отъ роду, 3 Марта 1845 г., отъ паралича сердца, тихо и безболѣзненно, только-что отговѣвъ на первой недѣлѣ поста. Тѣло ея предано землѣ въ Лазаревской церкви Александро-Невской лавры; Императоръ Николай Павловичъ и Императрица Александра Θеодоровна пріѣзжали поклониться ея праху. Замѣчательно, что, будучи всегда близкой ко Двору и другомъ Императрицы, графиня Софія Владиміровна не имѣла никакихъ придворныхъ отличій. Въ 1806 г. ей препровожденъ былъ статсъ-дамскій портретъ, но графиня вернула его Государю, прося его пожаловать въ статсъ-дамы, вмѣсто нея, ея мать, княгиню Н. П. Голицыну, что и было исполнено. У графини С. В. Строгановой былъ одинъ сынъ, Александръ (р. 1794 г., † 23 Февраля 1814 г.), и 4 дочери: Наталія (р. 7 Мая 1796 г., † 7 Октября 1872 г.; за графомъ С. Г. Строгановымъ), Аделаида (р. 31 Декабря 1799 г., † 12 Февраля 1882 г.; за княземъ В. С. Голицынымъ), Елизавета (за княземъ И. Д. Салтыковымъ) и Ольга (р. 1 Іюня 1808 г., † 13 Апрѣля 1837 г.; за графомъ П. К. Ферзеномъ).

Въ молодости графиня С. В. Строганова была поразительно хороша собою; воспѣтая въ стихахъ Державинымъ, она удивляла всѣхъ знавшихъ ее столько же своей красотой, сколько „необыкновенными“, по выраженію Греча, „качествами своего ума и сердца“. „Прелесть ея ума“, говоритъ баронесса Едлингъ, „не могла заставить забыть ея нравственное превосходство. Невозможно найти въ свѣтѣ столько совершенствъ, соединенныхъ вмѣстѣ“. Разностороннее образованіе, полученное ею за границею въ ущербъ родному языку, заставило ее въ Россіи усердно имъ заниматься, и она перевела даже по-русски поэму Данта „Адъ“. Въ послѣдніе годы своей жизни, уже маленькою сгорбленною старушкою, она сохранила отличавшія ее силу характера, ясность и прямоту ума и въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ и вѣрномъ пониманіи блага отечества являлась всегда, какъ видно изъ сохранившейся ея переписки, идеаломъ чисто русской женщины.

(Съ портрета Виже-Лебренъ, изъ Строгановскаго собранія, въ С.-Петербургѣ.)

La comtesse SOPHIE VLADIMIROWNA STROGANOFF, 1775—1845, fille du prince Vladimir Borissowitch Golitzyne et de la princesse Natalie Pétrowna, née comtesse Tchernycheff, naquit le 11 novembre 1775, et fit la plus grande partie de son éducation à l'étranger, accompagnant sa mère dans ses voyages en Europe. Elle épousa en 1793 le comte Paul Alexandrowitch Stroganoff (1774—1817), avec lequel elle vint, à la naissance de leur premier fils Alexandre en 1794, se fixer à Pétersbourg, et dont l'amitié avec le Grand-Duc Alexandre Pavlowitch mit bientôt les jeunes époux sur un pied d'intimité à la Cour Grand-Ducale. Un moment vint même où la séduisante beauté de la comtesse captiva sérieusement le Grand-Duc; elle sut pourtant se tirer avec dignité de ce pas difficile sans rien perdre de son amitié et en se conciliant de plus celle de la Grande-Duchesse sa femme, dont l'attachement pour elle dura jusqu'à la mort. Un amour entièrement payé de retour pour son mari et ses enfants faisait, avec les tendres soins prodigués à une vieille mère qui l'adorait, toute la vie privée de la comtesse, qui partageait ses loisirs entre la Cour et le monde, d'une part, et, de l'autre, une incessante intimité avec l'Impératrice Elisabeth. Mais son bonheur domestique subit bientôt de cruelles épreuves: atteinte au plus vif de ses sentiments maternels par la mort de son fils Alexandre, tué à la fleur de l'âge en 1814 à la bataille de Craonne, elle perdit trois ans plus tard son mari, mort phtisique dans sa 44e année. Après avoir réussi, à force d'instances, à partir avec lui pour un voyage par mer à l'étranger, conseillé par les médecins, elle eut la douleur, comme il prévoyait sa fin prochaine, de devoir débarquer à Copenhague, pour rentrer par la Suède en Russie, où elle apprit qu'il était mort deux jours après leur séparation. En proie à un désespoir qui donna des craintes pour sa vie, elle trouva une puissante consolation dans la rare et chaleureuse amitié de l'Impératrice Elisabeth. Veuve avec la jouissance viagère du majorat des Stroganoff, elle partagea le reste de sa vie entre sa propriété de Maryino, près de Novgorod, et la maison Stroganoff à Pétersbourg, où elle recevait non seulement l'élite de la Cour et de la ville, mais encore les plus éminents des hommes de lettres et des artistes. Elle mourut doucement et sans douleur d'une paralysie du cœur, à l'âge de 70 ans, le 5 mars 1845, comme elle achevait sa première semaine de dévotions de carême. Elle fut inhumée dans l'église St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky; l'Empereur Nicolas et l'Impératrice sa femme vinrent lui rendre les derniers devoirs. Chose curieuse, sur le pied où elle était à la Cour, l'amie de l'Impératrice n'eut jamais aucune distinction, et, lorsque, en 1806, elle reçut le portrait de dame d'honneur, elle le renvoya à l'Empereur en le priant de le conférer plutôt à sa mère, la princesse Golitzyne, ce qui fut fait. La comtesse Stroganoff eut un fils, Alexandre (1794—23 février 1814), et quatre filles, Natalie (7 mai 1796—7 octobre 1872), mariée au comte S. Stroganoff, Adélaïde (31 décembre 1799—12 février 1882) au prince B. Golitzyne, Elisabeth au prince I. Saltykoff, et Olga (1er juin 1808—13 avril 1837) au comte P. Fersen.

D'une beauté merveilleuse dans sa jeunesse, célébrée dans les vers de Derjavine, la comtesse Stroganoff faisait l'enthousiasme général, tant par ses charmes que par ses „qualités extraordinaires“, dit Gretch, „du cœur et de l'esprit“. Dans l'instruction variée reçue à l'étranger, le russe avait été sacrifié, et elle dut s'y mettre sérieusement à son retour: elle traduisit même en russe l'Enfer de Dante. Sur ses vieux jours, toute cassée par l'âge, elle ne perdit rien de sa force de caractère ni de sa lucidité et de sa rectitude de jugement, et, par ses convictions religieuses, par ses idées sur le bien de son pays, elle resta toujours telle que la montre sa correspondance: un pur idéal de femme russe.

(D'après l'original de Vigée-Lebrun, Galerie Stroganoff, St-Pétersbourg.)

Баронъ **АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ СТРОГАНОВЪ**, 1771—1815, единственный сынъ барона Сергѣя Николаевича (р. 1738 г., † 1771 г.), отъ второго его брака съ княжной Натальей Михайловной Бѣлосельской (р. 1743 г., † 1819 г.), пожалованъ въ камеръ-юнкеры 14 Февраля 1792 г., въ дѣйствительные камергеры 12 Ноября 1796 г. и въ гофмаршалы двора Цесаревича Александра Павловича 7 Іюня 1799 года. Хорошо знавшій его Вигель сообщаетъ въ своихъ запискахъ слѣдующее о печальной судьбѣ барона: „Онъ былъ весьма не глупъ, и добръ, и милъ, и умѣлъ хорошо воспользоваться даннымъ ему аристократическимъ тогдашнимъ воспитаніемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ былъ онъ весьма деликатнаго сложенія, чрезвычайно женоподобенъ, и оттого въ обществѣ получилъ прозваніе барончика („le petit baron“). Это еще идетъ къ первой молодости, но когда онъ достигъ 30 лѣтъ..., то инымъ казался нѣсколько смѣшонъ. Грозная судьба, вскорѣ его постигшая, заставила умолкнуть смѣющихся. Годъ отъ году сталъ онъ болѣе страдать и сохнуть: сперва лишился употребленія рукъ, потомъ ногъ, наконецъ, и зрѣнія, и въ семъ ужасномъ положеніи прожилъ нѣсколько лѣтъ. Всѣ родные, по возможности, старались облегчить ему тягость такого существованія. Когда наступилъ постъ, и даже дома нельзя было играть на театрѣ, г-жа Мятлева изобрѣла для него новаго рода спектакль: вокругъ большого стола садились родные и знакомые, имѣя каждый передъ собою по экземпляру трагедіи или комедіи, всякій старался голосу своему дать то выраженіе, котораго требовала его роль; бѣднаго слѣпца это забавляло: онъ могъ почитать себя въ театрѣ.... Онъ былъ лѣтъ 45 отъ роду, но весь сѣдой и казался 70; странно было въ старцѣ находить рѣчи и манеры молодой придворной женщины. Онъ много путешествовалъ, все помнилъ, и я находилъ разговоръ его и пріятнымъ, и занимательнымъ“. Отца Строгановъ лишился въ младенчествѣ и былъ воспитанъ матерью; въ 1800 г. (27 Января) онъ женился на княжнѣ Софіи Александровнѣ Урусовой (р. 1779 г., † 26 Апрѣля 1801 г.), но черезъ годъ она скончалась отъ родовъ; дочь ихъ Вѣра (р. 20 Апрѣля 1801 г., † 3 Мая 1801 г.) прожила только нѣсколько дней, и Строгановъ опять остался на попеченіи обожавшей его матери, къ которой и онъ относился съ такимъ же чувствомъ. Скончался онъ 22 Сентября 1815 г. отъ послѣдствій паденія: его уронили слуги. Княжна Туркестанова сообщала о его смерти Кристину слѣдующее: „Le pauvre baron Stroganow est mort hier matin. Dernièrement on le laissa tomber de son fauteuil chez la princesse Béloselsky, où il dînait; cette chute qu'il ne pouvait prévoir à cause de sa cécité l'effraya mortellement; il fut plus d'une heure pâle et tremblant, mais toujours attentif à ménager sa mère; il fit de son mieux pour reprendre son air accoutumé.... Je fus le voir le lendemain, il se plaignait de douleurs générales. Ma sœur le vit deux jours après et le trouva plus souffrant encore; enfin la poitrine s'est embarrassée, et tout a été fini“. Строгановъ погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ, на Лазаревомъ кладбищѣ.

Императрица Елисавета Алексѣевна 8 Февраля 1819 г. писала своей матери, маркграфинѣ Баденской: „Il vient de mourir ces jours-ci une Baronne Stroganoff (née princesse Béloselsky) qui, veuve dès l'âge de 22 ans d'un mari qu'elle aimait beaucoup, ne vivait que pour un fils unique; jamais elle n'avait eu d'autres enfants que lui. Elle avait marié ce fils, il y a plusieurs années, mais sa femme et son enfant étaient morts au bout de peu de temps de mariage, lui-même tomba dans un état de santé déplorable et fut perclus et aveugle plusieurs années avant sa mort. Sa pauvre mère dut voir ses longues souffrances avant de le perdre; il mourut enfin, il y a une dizaine d'années, et elle resta seule au monde en apparence, mais tant aimée de toutes ses connaissances et de ses parents éloignés qu'elle se plaignait quelquefois d'avoir trop de monde autour d'elle. Naturellement tous ses vœux tendaient vers un autre monde où était tout ce qu'elle avait le mieux aimé dans celui-ci. Néanmoins elle était d'un calme, d'une sérénité qui ne laissait pas deviner à ceux auxquels elle n'en parlait pas, ce qui était l'objet constant de ses pensées. Elle l'a atteint enfin et a eu une mort douce et calme comme l'était sa vie. Elle est généralement regrettée de tous ceux qui la connaissaient, et quoique seule au monde en apparence, sa mort fait verser bien des larmes. Peut-être l'avez-vous connue à votre premier voyage en Russie: elle était sœur d'une princesse Béloselsky, qui était demoiselle d'honneur de ma tante“.

(Съ портрета Виже-Лебренъ; принадлежалъ князю А. В. Шаховскому, с. Бѣлая Колпь, Московской губ.)

Le baron ALEXANDRE SERGUÉEWITCH STROGANOFF, 1771—1815, fils unique du baron Serge Nikolaewitch Stroganoff (1738—1771) et de sa seconde femme, la princesse Natalie Mikhaïlowna Bélosselsky (1745—1819), devint gentilhomme de la chambre le 14 février 1792, chambellan actuel le 12 novembre 1796 et maréchal de la Cour du Césarewitch Alexandre le 7 juin 1799. Wiegel, qui le connut bien, fait dans ses Mémoires le tableau suivant de la triste existence du baron: „Fort bon esprit, excellent et charmant garçon, il tira le meilleur parti de l'éducation aristocratique qui lui avait été donnée. De complexion d'ailleurs très délicate, il avait en outre des allures toutes féminines qui lui firent donner le sobriquet du Petit Baron. Pour un tout jeune homme, passe encore, mais, la trentaine atteinte, ... il commença à prêter à rire. Le sort terrible qui le frappa bientôt fit taire les rieurs. Il allait d'année en année souffrant et dépérissant: d'abord perclus des bras, puis des jambes, il finit par perdre aussi la vue, et, dans cet état terrible, vécut encore plusieurs années. Toute la famille faisait de son mieux pour lui rendre la situation moins pénible. Le carême venu, impossible même de donner des représentations privées, et Mme Miatleff imagina pour lui un nouveau genre de spectacle: parents et amis, réunis autour d'une grande table, lisaient des rôles de tragédie ou de comédie, chacun avec l'intonation convenable, et le pauvre aveugle y trouvait presque la même distraction qu'au théâtre..... Avec ses 45 ans, il était tout blanc et en paraissait 70: un drôle de vieillard, avec des propos et des manières comme une jeune femme de la Cour. Grand voyageur, il n'avait rien oublié, et sa conversation me paraissait agréable et intéressante". Orphelin de père de bonne heure, et élevé par sa mère, il épousa le 27 janvier 1800 la princesse Sophie Alexandrowna Ouroussoff (1779—26 avril 1801), qui mourut au bout d'un an à la suite de couches; l'enfant, une petite fille, Véra (20 avril 1801—3 mai 1801), ne vécut que quelques jours, et Stroganoff se retrouva à la garde de sa mère, qu'il adorait et dont il était lui-même adoré. Il mourut le 22 septembre 1815, victime de la maladresse de ses domestiques, des suites d'une chute; la princesse Tourkestanoff donne à Kristine les détails suivants: „Le pauvre baron Stroganow est mort hier matin. Dernièrement on le laissa tomber de son fauteuil chez la princesse Béloselsky, où il dînait; cette chute qu'il ne pouvait prévoir à cause de sa cécité l'effraya mortellement; il fut plus d'une heure pâle et tremblant, mais toujours attentif à ménager sa mère; il fit de son mieux pour reprendre son air accoutumé.... Je fus le voir le lendemain, il se plaignait de douleurs générales. Ma sœur le vit deux jours après et le trouva plus souffrant encore; enfin la poitrine s'est embarrassée, et tout a été fini". Stroganoff fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

L'Impératrice Elisabeth Alexéewna dit à la Margrave de Bade, sa mère, dans sa lettre du 8 février 1819: „Il vient de mourir ces jours-ci une Baronne Stroganoff (née princesse Béloselsky) qui, veuve dès l'âge de 22 ans d'un mari qu'elle aimait beaucoup, ne vivait que pour un fils unique; jamais elle n'avait eu d'autres enfants que lui. Elle avait marié ce fils, il y a plusieurs années, mais sa femme et son enfant étaient morts au bout de peu de temps de mariage, lui-même tomba dans un état de santé déplorable et fut perclus et aveugle plusieurs années avant sa mort. Sa pauvre mère dut voir ses longues souffrances avant de le perdre; il mourut enfin, il y a une dizaine d'années, et elle resta seule au monde en apparence, mais tant aimée de toutes ses connaissances et de ses parents éloignés qu'elle se plaignait quelquefois d'avoir trop de monde autour d'elle. Naturellement tous ses vœux tendaient vers un autre monde où était tout ce qu'elle avait le mieux aimé dans celui-ci. Néanmoins elle était d'un calme, d'une sérénité qui ne laissait pas deviner à ceux auxquels elle n'en parlait pas, ce qui était l'objet constant de ses pensées. Elle l'a atteint enfin et a eu une mort douce et calme comme l'était sa vie. Elle est généralement regrettée de tous ceux qui la connaissaient, et quoique seule au monde en apparence, sa mort fait verser bien des larmes. Peut-être l'avez-vous connue à votre premier voyage en Russie: elle était sœur d'une princesse Béloselsky, qui était demoiselle d'honneur de ma tante".

(D'après un original de Vigée-Lebrun, ayant appartenu au prince A. Schakhowskoï, Bélaïa Kolp, gouvernement de Moscou.)

29

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА ДЕМИДОВА, 1779—1818, младшая дочь барона Александра Николаевича Строганова († 1789 г.), женатаго на Елизаветѣ Александровнѣ Загряжской, родилась 5 Февраля 1779 года. Въ очень молодыхъ годахъ вышла замужъ за Московскаго богача, впослѣдствіи тайнаго совѣтника и командора Мальтійскаго ордена, Николая Никитича Демидова (р. 1773 г., † 1828 г.), извѣстнаго благотворителя и мецената. Вскорѣ послѣ свадьбы Демидовъ увезъ жену за границу и поселился съ нею въ Парижѣ, въ бывшемъ дворцѣ герцоговъ Praslin. Семейная жизнь ихъ не была счастлива, и несоотвѣтствіе характеровъ и вкусовъ скоро привело супруговъ къ взаимному отчужденію, едва не кончившемуся полнымъ разрывомъ послѣ рожденія въ 1812 г. второго сына Анатолія. Не будучи красавицей, Е. А. Демидова была необыкновенно граціозна, и когда она танцовала, присутствовавшіе въ залѣ становились на скамейки, чтобы видѣть всѣ ея движенія. Вѣтреная и легкомысленная, не чуждая при томъ извѣстной культурности, интересуясь литературой и искусствомъ, Демидова была большой кокеткой и, кромѣ позы молящейся святой, не прочь была изобразить себя въ видѣ смѣющейся вакханки, съ тѣломъ, только мѣстами прикрытымъ барсовой кожей (миніатюра собранія П. А. Демидова); въ свѣтѣ она была окружена толпою ухаживателей и сама объясняла свою склонность къ красивымъ молодымъ людямъ тѣмъ эстетическимъ наслажденіемъ, которое испытывала она при видѣ всего изящнаго. Ея кокетство и любовь къ свѣтскимъ развлеченіямъ трудно уживались съ суровымъ и тяжелымъ въ домашнемъ быту характеромъ мужа; фактически разойдясь, супруги рѣдко видѣлись, но этотъ внутренній разладъ былъ мало замѣтенъ подъ личиной шумной свѣтской жизни. Посѣщая довольно часто театры и другія модныя въ то время публичныя увеселенія, Е. А. Демидова больше любила принимать у себя, и въ домѣ ея собиралось крайне разнообразное общество. Она много играла въ карты, и крупная игра на ея вечерахъ обратила даже вниманіе полиціи на домъ Демидовыхъ. Она любила Францію и французовъ и благоговѣла передъ первымъ консуломъ, котораго называла „богомъ Европы“.

Въ первыхъ годахъ XIX столѣтія, съ обостреніемъ отношеній между Франціей и Россіей, Демидовы покинули Парижъ и переселились въ Италію, а въ 1812 г. вернулись въ Россію и поселились въ Москвѣ, въ своемъ старинномъ домѣ въ Нѣмецкой слободѣ, на Гороховой (теперь Константиновскій межевой институтъ). Въ то время какъ самъ Демидовъ, не спѣша, вооружалъ на свой счетъ пѣхотный полкъ, жена его предавалась воспоминаніямъ о Парижѣ, украдкой посматривая на малахитовые часы, остановленные ею, какъ увѣряли злые языки, въ минуту разставанія съ красавцемъ-эмигрантомъ Геракліемъ Полиньякомъ, командиромъ Апшеронскаго полка.

Послѣ реставраціи Бурбоновъ Е. А. Демидова вернулась въ Парижъ, но уже безъ мужа, поселившагося во Флоренціи. Ей недолго пришлось, однако, наслаждаться возвращеніемъ въ любимую Францію: она скончалась 27 Марта 1818 г., 39 лѣтъ, почти внезапно, въ тяжкихъ страданіяхъ, послѣ непродолжительной болѣзни, и похоронена на кладбищѣ Père-Lachaise, гдѣ сыномъ ея, А. Н. Демидовымъ, былъ впослѣдствіи воздвигнутъ на ея могилѣ великолѣпный мавзолей изъ бѣлаго мрамора.

Изъ двухъ сыновей Е. А. Демидовой, старшій, Павелъ (р. 6 Августа 1798 г., † 25 Марта 1840 г.), женатъ былъ на Аврорѣ Карловнѣ Шерншаль, а младшій, Анатолій (р. во Флоренціи въ 1812 г., † въ Парижѣ въ 1870 г.), женился 21 Октября 1841 г. на принцессѣ Матильдѣ Бонапартъ, графинѣ де-Монфоръ (р. 27 Мая 1820 г.).

(Съ портрета Грёза; собственность графини Н. М. Соллогубъ, въ Москвѣ.)

ÉLISABETH ALEXANDROWNA DÉMIDOFF, 1779—1818, la plus jeune fille du baron Alexandre Nikolaewitch Stroganoff († 1789) et d'Elisabeth Alexandrowna, née Zagriajsky, naquit le 5 février 1779. Toute jeune encore, elle épousa le riche moscovite, dans la suite conseiller privé et commandeur de l'Ordre de Malte, Nicolas Nikititch Démidoff (1773—1828), connu pour sa bienfaisance et sa générosité de Mécène. Peu après son mariage, Démidoff emmena sa femme à l'étranger et se fixa avec elle à Paris, dans l'ancien palais des ducs de Praslin. Leur union ne fut pas heureuse, et l'incompatibilité de leurs caractères et de leurs goûts ne tarda pas à amener un éloignement réciproque, qui faillit se terminer par une rupture complète après la naissance, en 1812, de leur second fils Anatole. Sans être une beauté, Mme Démidoff possédait une grâce extraordinaire, et, quand elle dansait, les assistants montaient sur les sièges pour ne perdre aucun de ses mouvements. Inconstante et frivole, mais non sans une certaine culture, avec du goût pour la littérature et les arts, c'était une grande coquette: après des poses de bienheureuse en prière, elle ne craignait pas de se faire représenter en bacchante folâtrant, le corps voilé par endroits seulement d'une peau de panthère (miniature de la collection P. Démidoff). Dans le monde, elle était entourée d'une troupe d'adorateurs et elle-même expliquait son goût pour les beaux hommes par la jouissance esthétique que lui procurait tout ce qui était artistique. Sa coquetterie et son amour des distractions mondaines allaient mal avec le caractère de son mari, sévère et dur dans son intérieur; séparés en fait, ils se voyaient rarement, mais ce désaccord domestique passait presque inaperçu sous le masque bruyant de la vie mondaine. Tout en allant assez souvent au théâtre et dans les autres lieux de divertissement publics à la mode, Mme Démidoff préférait recevoir chez elle, et sa maison était le rendez-vous d'une société extrêmement mélangée; elle aimait beaucoup les cartes, et le gros jeu qu'on jouait à ses soirées éveilla même l'attention de la police. Elle avait une passion pour la France et les Français, et un culte pour le Premier Consul, qu'elle appelait „le dieu de l'Europe".

Dans les premières années du XIXe siècle, lorsque les rapports entre la France et la Russie commencèrent à être tendus, les Démidoff quittèrent Paris et se rendirent en Italie, puis, en 1812, rentrèrent en Russie et se fixèrent à Moscou, dans leur vieille maison de Németzkaïa Sloboda (aujourd'hui l'Ecole d'Arpentage Constantin, rue Gorokhovaïa). Pendant que lui équipait tranquillement à ses frais un régiment d'infanterie, elle était tout entière à ses souvenirs de Paris, jetant des regards furtifs sur la pendule en malachite qu'elle avait arrêtée, à en croire les mauvaises langues, en disant adieu au bel émigrant Héraclius de Polignac, commandant du régiment d'Apchéron.

A la Restauration, Mme Démidoff retourna à Paris, mais sans son mari, qui se fixa à Florence. Pourtant elle ne put jouir longtemps du retour dans sa France bien-aimée: elle mourut presque subitement dans de cruelles souffrances, le 27 mars 1818, à l'âge de 39 ans, après une courte maladie, et fut inhumée au cimetière du Père-Lachaise, où son fils Anatole fit élever sur sa tombe un magnifique mausolée de marbre blanc.

De ses deux fils, l'aîné, Paul (6 août 1798—25 mars 1840), fut marié à Aurore Schernwall, et le plus jeune, Anatole (né à Florence en 1812, mort à Paris en 1870), épousa le 21 octobre 1841 la princesse Mathilde Bonaparte, comtesse de Montfort (née le 27 mai 1820).

(D'après un original de Greuze, appartenant à la comtesse N. Sollohub, Moscou.)

30

Баронъ (позднѣе графъ) **ГРИГОРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ СТРОГАНОВЪ**, 1770—1857, единственный сынъ барона Александра (въ крещеніи Захаръ) Николаевича Строганова († 13 Марта 1789 г.), отъ брака его съ Елизаветой Александровной Загряжской (р. 1745 г., † 28 Декабря 1831 г.), родился 13 Сентября 1770 года; 13 лѣтъ былъ опредѣленъ на службу вахмистромъ въ Конную гвардію, откуда черезъ 2 года (1785 г.) переведенъ сержантомъ въ Измайловскій полкъ; въ 1788 г. произведенъ въ поручики, 12 Декабря 1790 г. пожалованъ въ камеръ-юнкеры, а 17 Марта 1795 г. произведенъ въ капитаны. Оставивъ военную службу, Строгановъ опредѣленъ членомъ въ Бергъ-коллегію, съ пожалованіемъ въ дѣйствительные камергеры (12 Декабря 1796 г.). Въ слѣдующемъ году онъ былъ уволенъ отъ службы, хотя въ 1799 г. и пожалованъ командорствомъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Въ 1805 г. Строгановъ былъ посланъ въ Испанію полномочнымъ министромъ, гдѣ и пробылъ 5 лѣтъ, при чемъ 1 Января 1808 г. пожалованъ былъ въ тайные совѣтники; въ 1812 г., 15 Сентября, баронъ Строгановъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Стокгольмъ, откуда въ 1816 г. переведенъ въ Константинополь. Получивъ въ 1817 г. звѣзду Александровскую и въ 1821 г. чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, баронъ Строгановъ 22 Августа 1826 г. пожалованъ былъ, съ его потомствомъ, въ графское достоинство. Въ слѣдующемъ году графъ Строгановъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта (2 Октября 1827 г.), а 5 Декабря 1836 г. пожалованъ въ оберъ-шенки. Черезъ 2 года (въ 1838 г.) посланъ былъ чрезвычайнымъ посломъ въ Англію на коронацію королевы Викторіи и въ томъ же году назначенъ предсѣдателемъ въ Комитетѣ Попечительства дѣтскихъ пріютовъ. Въ 1839 г. (25 Марта) Строгановъ получилъ Андреевскую звѣзду, а 30 Іюня 1846 г. пожалованъ былъ оберъ-камергеромъ Высочайшаго двора.

Подъ конецъ жизни графъ Строгановъ большею частью жилъ за границей, въ отпуску, принужденный постоянно лѣчиться, пользуясь совѣтами извѣстныхъ окулистовъ. Тѣмъ не менѣе передъ смертью онъ совсѣмъ ослѣпъ.

Графъ Г. А. Строгановъ умеръ 7 Января 1857 года и похороненъ въ Лазаревской церкви Александро-Невской лавры. Онъ былъ женатъ 2 раза; первымъ бракомъ на княжнѣ Аннѣ Сергѣевнѣ Трубецкой (р. 8 Мая 1765 г., † въ Дрезденѣ 21 Октября 1824 г.), отъ которой имѣлъ 5 сыновей: Сергѣя (р. 8 Ноября 1794 г.), Александра (р. 31 Декабря 1795 г.), Николая († 1824 г.), Алексѣя (р. 15 Марта 1797 г.) и Валентина (р. 4 Ноября 1801 г., † 4 Ноября 1833 г.) и 1 дочь, Елену († 24 Іюня 1832 г.; за И. Д. Чертковымъ); во второй разъ графъ Строгановъ былъ женатъ на португалькѣ римско-католическаго исповѣданія, графинѣ Юліи Петровнѣ да-Ега, рожденной д'Альмейда, графинѣ д'Оейнгаузенъ, которой увлекся, еще будучи посломъ въ Испаніи.

(Съ портрета Вуаля; собственность графини Н. М. Соллогубъ, въ Москвѣ.)

Le baron (plus tard comte) GRÉGOIRE ALEXANDROWITCH STROGANOFF, 1770—1857, fils unique du baron Alexandre (au baptême Zacharie) Nikolaewitch Stroganoff († 13 mars 1789) et d'Elisabeth Alexandrowna, née Zagriajsky (1745—28 décembre 1831), naquit le 13 septembre 1770. Enrôlé à 13 ans vaguemestre à la Garde à cheval, puis deux ans après, en 1785, sergent au régiment Izmaïlowsky, il passa en 1788 lieutenant, fut fait le 12 décembre 1790 gentilhomme de la chambre, et promu capitaine le 17 mars 1795. Il démissionna alors et fut nommé membre du Collège des Mines, avec la dignité de chambellan actuel (12 décembre 1796). Relevé de ses fonctions l'année suivante, il reçut pourtant en 1799 la croix de commandeur de Saint-Jean-de-Jérusalem. Envoyé à Madrid en 1805 comme ministre plénipotentiaire, il y passa cinq ans et y devint conseiller privé le 1er janvier 1808; puis il alla le 15 septembre 1812 comme ambassadeur extraordinaire à Stockholm, d'où il passa en 1816 à Constantinople. Décoré de la croix de St-Alexandre en 1817, conseiller privé actuel en 1821, il fut, le 22 août 1826, élevé avec toute sa descendance à la dignité de comte. Il devint encore membre du Conseil de l'Empire le 2 octobre 1827 et grand échanson le 5 décembre 1836, après quoi il alla en 1838 comme envoyé extraordinaire en Angleterre au couronnement de la Reine Victoria et fut fait la même année président du Conseil de Tutelle des Asiles d'Enfants. Enfin, il reçut le 25 mars 1839 la croix de St-André, et devint le 30 juin 1846 grand chambellan de la Cour Impériale.

Sur ses vieux jours, il fut presque constamment à l'étranger, en congé: continuellement en traitement chez divers oculistes en renom, il perdit cependant la vue avant de mourir.

Le comte Stroganoff mourut le 7 janvier 1857, et fut inhumé dans l'église St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. Il avait épousé en premières noces la princesse Anne Serguéewna Troubetzkoï (née 8 mai 1765, † à Dresde 21 octobre 1824), dont il eut cinq fils, Serge (né 8 novembre 1794), Alexandre (né 31 décembre 1795), Nicolas († 1824), Alexis (né 15 mars 1797) et Valentin (4 novembre 1801—4 novembre 1833), et une fille, Hélène († 24 juin 1832), mariée à I. Tchertkoff. Il épousa en secondes noces une portugaise, catholique, la comtesse Julie da Ega, née d'Almeida-Œynhausen, dont il s'était épris étant ambassadeur en Espagne.

(D'après un original de Voille, appartenant à la comtesse N. Sollohub, Moscou.)

31

Баронесса АННА СЕРГѢЕВНА СТРОГАНОВА, 1765—1824, дочь князя Сергѣя Алексѣевича Трубецкого, женатаго на княжнѣ Еленѣ Васильевнѣ Несвицкой († 1831 г.), родилась 8 Мая 1765 года и была родная сестра извѣстной красавицы Екатерининскаго времени, графини Екатерины Сергѣевны Самойловой. Будучи фрейлиной Императрицы Екатерины II, вступила 16 Февраля 1791 г. въ супружество съ дѣйствительнымъ камергеромъ, впослѣдствіи полномочнымъ министромъ въ Константинополѣ, барономъ Григоріемъ Александровичемъ Строгановымъ. Несмотря на происшедшихъ отъ этого брака многочисленныхъ дѣтей (пять сыновей и одна дочь), въ семейной жизни баронесса Анна Сергѣевна Строганова не была счастлива и въ послѣднее время жила врозь съ мужемъ, отдаленная отъ него его разгульной жизнью и его продолжительнымъ увлеченіемъ португальской графиней да-Ега, ставшей, послѣ ея смерти, его второй супругой. Баронесса Анна Сергѣевна Строганова скончалась въ Дрезденѣ 21 Октября 1824 года; тѣло ея было привезено въ Петербургъ и предано землѣ въ церкви Св. Духа, въ Александро-Невской лаврѣ.

Изъ пяти сыновей баронессы А. С. Строгановой, старшій, баронъ Сергѣй Григорьевичъ, послѣ женитьбы на графинѣ Н. П. Строгановой получилъ титулъ графа; изъ остальныхъ—Николая, Александра, Алексѣя и Валентина, унаслѣдовавшихъ графскій титулъ отъ отца, пожалованнаго графомъ въ день коронаціи Императора Николая I, въ 1826 г., извѣстенъ былъ въ свое время генералъ-адъютантъ, членъ Государственнаго Совѣта графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ, женатый на графинѣ Наталіи Викторовнѣ Кочубей; наконецъ, единственная дочь ея, графиня Елена Григорьевна, была замужемъ за шталмейстеромъ Иваномъ Дмитріевичемъ Чертковымъ.

(Съ портрета Виже-Лебрень; собственность М. П. Родзянко, въ С.-Петербургѣ.)

31

La baronne ANNE SERGUÉEWNA STROGANOFF, 1765—1824, fille du prince Serge Alexéewitch Troubetzkoï et d'Hélène Vassiliewna, née princesse Nésvitzky († 1851), naquit le 8 mai 1765; elle était sœur de la comtesse Catherine Samoïloff, connue sous Catherine II pour sa beauté. Demoiselle d'honneur de l'Impératrice, elle épousa le 16 février 1791 le baron Grégoire Alexandrowitch Stroganoff, chambellan actuel, plus tard ministre plénipotentiaire à Constantinople. Bien que mère d'une nombreuse famille, cinq fils et une fille, elle ne fut pas heureuse en ménage, et finit par quitter son mari, qui l'avait rebutée par sa vie de dissipation et ses incessantes assiduités près de la comtesse portugaise da Ega, qu'il épousa, une fois veuf. La baronne Stroganoff mourut à Dresde le 21 octobre 1824; son corps fut ramené à Pétersbourg et inhumé dans l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky.

L'aîné de ses fils, Serge, reçut le titre de comte après son mariage avec la comtesse Natalie Stroganoff. Des quatre autres, Nicolas, Alexandre, Alexis et Valentin, héritiers du titre de leur père fait comte au couronnement de Nicolas Ier en 1826, le second, marié à la comtesse Natalie Victorowna Kotchubey, jouit en son temps d'une certaine notoriété comme général aide de camp et membre du Conseil de l'Empire. L'unique fille de la baronne Stroganoff, la comtesse Hélène, épousa l'écuyer Ivan Dmitriewitch Tchertkoff.

(D'après un original de Vigée-Lebrun, appartenant à Mme M. Rodzianko, St-Pétersbourg.)

Графиня **ДАРІЯ ПЕТРОВНА САЛТЫКОВА**, 1739—1802, и баронесса **НАТАЛІЯ МИХАЙЛОВНА СТРОГАНОВА**, 1743—1819.

Баронесса **Н. М. СТРОГАНОВА** (лѣвая фигура на портретѣ; см. о ней т. III, № 43), дочь князя Михаила Андреевича Бѣлосельскаго (р. 1 Ноября 1702 г., † 19 Января 1755 г.), отъ второй его супруги графини Наталіи Григорьевны Чернышевой (р. 5 Апрѣля 1711 г., † 1 Декабря 1760 г.), была въ замужствѣ за бригадиромъ барономъ Сергѣемъ Николаевичемъ Строгановымъ (р. 10 Апрѣля 1738 г., † 29 Августа 1777 г.), который въ первый разъ былъ женатъ на Прасковіи Григорьевнѣ Будаковой. У баронессы Н. М. Строгановой былъ единственный сынъ, баронъ Александръ Сергѣевичъ, родившійся въ Сентябрѣ 1771 года († 22 Сентября 1815 г.). Умерла баронесса Н. М. Строганова 5 Февраля 1819 года и похоронена на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Императрица Елисавета Алексѣевна 8 Февраля 1819 г. писала своей матери, маркграфинѣ Баденской: „Il vient de mourir ces jours-ci une Baronne Stroganoff (née princesse Béloselsky) qui, veuve dès l'âge de 22 ans d'un mari qu'elle aimait beaucoup, ne vivait que pour un fils unique; jamais elle n'avait eu d'autres enfants que lui. Elle avait marié ce fils, il y a plusieurs années, mais sa femme et son enfant étaient morts au bout de peu de temps de mariage, lui-même tomba dans un état de santé déplorable et fut perclus et aveugle plusieurs années avant sa mort. Sa pauvre mère dut voir ses longues souffrances avant de le perdre; il mourut enfin, il y a une dizaine d'années, et elle resta seule au monde en apparence, mais tant aimée de toutes ses connaissances et de ses parents éloignés qu'elle se plaignait quelquefois d'avoir trop de monde autour d'elle. Naturellement tous ses vœux tendaient vers un autre monde où était tout ce qu'elle avait le mieux aimé dans celui-ci. Néanmoins elle était d'un calme, d'une sérénité qui ne laissait pas deviner à ceux auxquels elle n'en parlait pas, ce qui était l'objet constant de ses pensées. Elle l'a atteint enfin et a eu une mort douce et calme comme l'était sa vie. Elle est généralement regrettée de tous ceux qui la connaissaient, et quoique seule au monde en apparence, sa mort fait verser bien des larmes. Peut-être l'avez-vous connue à votre premier voyage en Russie: elle était sœur d'une princesse Béloselsky, qui était demoiselle d'honneur de ma tante".

Графиня **ДАРІЯ ПЕТРОВНА САЛТЫКОВА** (правая, сидящая фигура), дочь графа Петра Григорьевича Чернышева (р. 1712 г., † 1773 г.), многими считавшагося за сына Петра Великаго. Мать ея, графиня Екатерина Андреевна, рожденная Ушакова, была дочь извѣстнаго начальника Тайной канцеляріи при Биронѣ, впослѣдствіи графа, Андрея Ивановича Ушакова. Графиня Дарія Петровна провела молодость за границей, гдѣ отецъ ея много лѣтъ былъ посланникомъ при датскомъ, берлинскомъ и англійскомъ дворахъ и посломъ въ Парижѣ. Тамъ она получила то блестящее воспитаніе, которое поставило ее въ ряду образованнѣйшихъ русскихъ женщинъ конца XVIII вѣка. Выйдя замужъ за графа Ивана Петровича Салтыкова, она заняла выдающееся положеніе въ свѣтѣ, чему много способствовала ея крайне самобытная личность. Будучи женщиной самой строгой добродѣтели и стоя неизмѣримо выше мужа по уму и нравственнымъ качествамъ, она снисходительно, съ оттѣнкомъ презрѣнія, относилась къ его многочисленнымъ любовнымъ похожденіямъ, никогда не унижаясь до ревности. Мужъ платилъ ей глубокою привязанностью и уваженіемъ и былъ неутѣшенъ въ ея смерти. Она сама занималась воспитаніемъ своихъ дочерей и единственнаго сына, графа Петра Ивановича. Графиня Салтыкова скончалась отъ разстройства желудка въ 1802 г., по пути въ Москву, на станціи Хотилово, возвращаясь съ мужемъ изъ Петербурга.

Высокаго роста, представительная, съ мужскими манерами, она своею величественною наружностью нѣсколько напоминала Екатерину. Многіе упрекали ее въ надменности, что отчасти объясняется ея молчаливостью въ обществѣ, вслѣдствіе недостаточнаго, благодаря заграничному воспитанію, знакомства съ русскимъ языкомъ, который не былъ еще вытѣсненъ французскимъ изъ гостиныхъ большого свѣта. „Она соединяла въ себѣ", по отзыву Вигеля, „всю важность русскихъ боярынь до-петровскаго времени, съ утонченною вѣжливостью и непринужденностью обращенія придворныхъ дамъ Версальскаго двора". Графиня Салтыкова пользовалась большимъ значеніемъ въ свѣтѣ и при дворѣ, и извѣстна была независимостью и подчасъ рѣзкостью своихъ сужденій. 2 Сентября 1793 г., въ день торжества по случаю заключенія мира съ Портою, Салтыкова пожалована была въ статсъ-дамы, а въ коронацію Павла I получила ленту св. Екатерины.

(Съ портрета, принадлежащаго князю К. Э. Бѣлосельскому-Бѣлозерскому, въ С.-Петербургѣ.)

La comtesse DARIA PÉTROWNA SALTYKOFF, 1739—1802, et la baronne NATALIE MIKHAÏLOWNA STROGANOFF, 1743—1819.

La baronne NATALIE MIKHAÏLOWNA STROGANOFF (à gauche sur la reproduction; v. T. III, № 45), fille du prince Michel Bélosselsky (1er novembre 1702—19 janvier 1755) et de sa seconde femme, la comtesse Natalie Tchernycheff (5 avril 1711—1er décembre 1760), épousa le baron Serge Nikolaewitch Stroganoff (10 avril 1738—29 août 1777), brigadier, marié en premières noces à Prascovie Grigoriewna Boudakoff. Elle eut un fils unique, Alexandre (septembre 1771—22 septembre 1815). Elle mourut le 5 février 1819 et fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

L'Impératrice Elisabeth Alexéewna dit à la Margrave de Bade, sa mère, dans sa lettre du 8 février 1819: „Il vient de mourir ces jours-ci une Baronne Stroganoff (née princesse Béloselsky) qui, veuve dès l'âge de 22 ans d'un mari qu'elle aimait beaucoup, ne vivait que pour un fils unique; jamais elle n'avait eu d'autres enfants que lui. Elle avait marié ce fils, il y a plusieurs années, mais sa femme et son enfant étaient morts au bout de peu de temps de mariage, lui-même tomba dans un état de santé déplorable et fut perclus et aveugle plusieurs années avant sa mort. Sa pauvre mère dut voir ses longues souffrances avant de le perdre; il mourut enfin, il y a une dizaine d'années, et elle resta seule au monde en apparence, mais tant aimée de toutes ses connaissances et de ses parents éloignés qu'elle se plaignait quelquefois d'avoir trop de monde autour d'elle. Naturellement tous ses vœux tendaient vers un autre monde où était tout ce qu'elle avait le mieux aimé dans celui-ci. Néanmoins elle était d'un calme, d'une sérénité qui ne laissait pas deviner à ceux auxquels elle n'en parlait pas, ce qui était l'objet constant de ses pensées. Elle l'a atteint enfin et a eu une mort douce et calme comme l'était sa vie. Elle est généralement regrettée de tous ceux qui la connaissaient, et quoique seule au monde en apparence, sa mort fait verser bien des larmes. Peut-être l'avez-vous connue à votre premier voyage en Russie: elle était sœur d'une princesse Béloselsky, qui était demoiselle d'honneur de ma tante".

La comtesse DARIA PÉTROWNA SALTYKOFF (à droite, assise), fille du comte Pierre Grigoriewitch Tchernycheff (1712—1773), que beaucoup considèrent comme fils de Pierre-le-Grand. Sa mère, la comtesse Catherine Andréewna, née Ouchakoff, était fille d'André Ivanowitch Ouchakoff, plus tard comte, connu comme directeur de la Chancellerie Secrète de Biron. La jeune comtesse Tchernycheff, dont le père fut de longues années ministre aux Cours de Copenhague, Berlin et Londres, puis ambassadeur à Paris, reçut à l'étranger une brillante éducation et devint ainsi une des femmes russes les plus distinguées du temps. Mariée au comte Ivan Pétrowitch Saltykoff, elle se fit une place marquante dans le monde, grâce surtout à sa personnalité des mieux accusées. Irréprochable comme femme, de beaucoup supérieure à son mari intellectuellement et moralement, elle n'opposa à toutes ses frasques qu'une indulgence quelque peu dédaigneuse, sans jamais s'abaisser à la jalousie: aussi avait-il pour elle une considération et un attachement profonds; il fut inconsolable de sa perte. Elle s'occupa elle-même de l'éducation de ses filles et de son fils unique Pierre. Elle mourut d'un dérangement d'estomac en 1802, à la station de Khotilovo, en revenant de Pétersbourg à Moscou avec son mari.

Grande, d'une belle prestance, avec des manières un peu masculines, elle avait un air de majesté qui rappelait Catherine II. La fierté qu'on lui reprochait souvent n'était qu'une apparence qui s'explique par la réserve à laquelle elle était tenue en société: élevée à l'étranger, elle savait mal le russe, qui n'avait pas alors fait place au français dans les salons. „Elle joignait", dit Wiegel, „toute l'importance des grandes dames d'avant Pierre-le-Grand à la courtoisie raffinée et aux manières sans contrainte de la Cour de Versailles". Très en vue dans le monde et à la Cour, elle était connue pour l'indépendance et parfois même la rudesse de ses jugements. Le 2 septembre 1793, à l'occasion de la signature de la paix avec la Porte, elle fut faite dame d'honneur, et, au couronnement de Paul Ier, dame de Ste-Catherine.

(D'après un original appartenant au prince C. Bélosselsky-Bélozersky, St-Pétersbourg.)

33

Князь **МИХАИЛЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ**, 1731—1804, генералъ-поручикъ, дѣйствительный камергеръ, сынъ адмирала князя Михаила Михайловича младшаго, отъ брака съ Татьяной Кирилловной Нарышкиной, родился 18 Іюля 1731 года; былъ дѣйствительнымъ камергеромъ и имѣлъ польскіе ордена св. Станислава и Бѣлаго Орла (1769 г.); въ генералы произведенъ былъ въ 1774 году. Нѣкоторое время служилъ по выборамъ: въ 1781 г. былъ Тарусскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, а въ 1782 г. Калужскимъ губернскимъ предводителемъ.

15 Сентября 1757 г. князь М. М. Голицынъ женился на баронессѣ Аннѣ Александровнѣ Строгановой (р. 1739 г., † 1816 г.) и имѣлъ отъ нея 5 дочерей и 5 сыновей, въ томъ числѣ князей Сергѣя и Александра Михайловичей. Голицынъ имѣлъ хорошее состояніе, еще болѣе увеличившееся, благодаря браку съ богатой баронессой Строгановой. Скончался онъ въ Москвѣ 21 Января 1804 года и похороненъ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ, въ церкви во имя Архангела Михаила; на памятникѣ его бюстъ, съ надписью: „1810. С. Пименовымъ“.

(Съ портрета Лампи; собственность князя С. М. Голицына, с. Кузьминки, Московской губ.)

33

Le prince **MICHEL MIKHAÏLOWITCH GOLITZYNE**, 1731—1804, général lieutenant, chambellan actuel, fils du prince Michel Mikhaïlowitch Golitzyne, amiral, et de Tatiana Kirillowna, née Narychkine, naquit le 18 juillet 1731; chambellan actuel et chevalier des ordres polonais de St-Stanislas et de l'Aigle Blanc (1769), il fut promu général en 1774. Il occupa un certain nombre de charges électives, celles de maréchal de la noblesse du district de Taroussa en 1781 et, l'année suivante, de maréchal de la noblesse du gouvernement de Kalouga.

Le prince Michel Golitzyne épousa le 15 septembre 1757 la baronne Anne Alexandrowna Stroganoff (1739—1816), dont il eut cinq filles et cinq fils, parmi lesquels les princes Serge et Alexandre. Il possédait une belle fortune, accrue encore par son mariage avec la riche baronne Stroganoff. Il mourut à Moscou le 21 janvier 1804, et fut inhumé au monastère Donskoï, à Moscou, dans l'église de St-Michel Archange. Sa tombe est ornée de son buste, avec l'inscription: „1810. S. Piménoff".

(D'après un original de Lampi, appartenant au prince S. Golitzyne, Kouzminki, gouv. de Moscou.)

34

Княгиня АННА АЛЕКСАНДРОВНА ГОЛИЦЫНА, 1739—1816, единственная дочь генералъ-поручика, барона Александра Григорьевича Строганова (р. 1699 г., † 1754 г.), отъ второго брака его съ Еленой Васильевной Дмитріевой-Мамоновой, родилась 7 Декабря 1739 года. Въ замужствѣ была съ 15 Сентября 1757 г. за княземъ Михаиломъ Михайловичемъ Голицынымъ (р. 1731 г., † 1804 г.), впослѣдствіи генералъ-поручикъ, дѣйствительный камергеръ и Калужскій губернскій предводитель. Въ придворномъ мѣсяцесловѣ на 1802 годъ княгиня Анна Александровна Голицына значится кавалерственной дамой ордена св. Екатерины меньшаго креста. Скончалась она 22 Апрѣля 1816 г., имѣя отъ роду 76 лѣтъ, 4 мѣсяца, 15 дней, и похоронена въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ въ церкви во имя Архангела Михаила.

Княгиня Анна Александровна Голицына оставила многочисленное потомство, состоявшее изъ десяти человѣкъ дѣтей: князей — Дмитрія Михайловича, Михаила Михайловича старшаго, Михаила Михайловича младшаго, Александра Михайловича, гофмейстера Двора Великой Княгини Елисаветы Алексѣевны, и Сергія Михайловича, попечителя Московскаго Учебнаго округа, мужа извѣстной княгини Евдокіи Ивановны Голицыной, прозванной „Princesse Nocturne“. Кромѣ этихъ пяти сыновей, княгиня А. А. Голицына имѣла столько же дочерей, изъ коихъ — княжны Екатерина, Анастасія и Елена умерли чуть ли не столѣтними дѣвицами въ Москвѣ, въ концѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія, а княжны Елизавета Михайловна и Татьяна Михайловна были замужемъ: первая за бывшимъ фаворитомъ, генераломъ Александромъ Петровичемъ Ермоловымъ, а вторая за княземъ Иваномъ Ивановичемъ Прозоровскимъ.

(Съ портрета Лампи; собственность князя С. М. Голицына, с. Кузьминки, Московской губ.)

34

La princesse ANNE ALEXANDROWNA GOLITZYNE, 1739—1816, fille unique du baron Alexandre Grigoriewitch Stroganoff (1699—1754), général lieutenant, et de sa seconde femme, Hélène Vassiliewna, née Dmitrieff-Mamonoff, naquit le 7 décembre 1739. Elle épousa le 15 septembre 1757 le prince Michel Mikhaïlowitch Golitzyne (1731—1804), plus tard général lieutenant, chambellan actuel et maréchal de la noblesse du gouvernement de Kalouga. Elle figure à l'annuaire de la Cour pour 1802 comme dame de Ste-Catherine de 2e classe. Elle mourut le 22 avril 1816, à l'âge de 76 ans, 4 mois, 15 jours, et fut inhumée à Moscou, au monastère Donskoï, dans l'église de St-Michel Archange.

La princesse Golitzyne laissa une nombreuse famille composée de cinq fils: Dmitri, Michel aîné, Michel jeune, Alexandre, maître de la Cour de la Grande-Duchesse Elisabeth Alexéewna, et Serge, curateur de l'arrondissement scolaire de Moscou et mari de la fameuse princesse Eudoxie Ivanowna Golitzyne, dite Princesse Nocturne, et cinq filles, dont trois, Catherine, Anastasie et Hélène, moururent presque centenaires à Moscou sans alliance, peu avant 1860, et les deux autres, Elisabeth et Tatiana, épousèrent, l'une le général Alexandre Pétrowitch Ermoloff, l'ancien favori, et l'autre le prince Ivan Ivanowitch Prozorowsky.

(D'après un original de Lampi, appartenant au prince S. Golitzyne, Kouzminki, gouv. de Moscou.)

35

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ МЕЛИССИНО, 1724 (1726)—1797, второй сынъ выходца съ острова Кафалоніи Ивана Афанасьевича Мелиссино, родившійся 11 Января 1724 (по эпитафіи 1726) года, послѣ окончанія курса въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ избралъ своею спеціальностью артиллерію. Онъ участвовалъ въ Семилѣтней и въ первой Турецкой войнахъ и во время этой послѣдней кампаніи, командуя всей артиллеріей, способствовалъ побѣдамъ при Хотинѣ, Ларгѣ и Кагулѣ. Впослѣдствіи онъ былъ директоромъ Артиллерійскаго и Инженернаго корпуса, членомъ Артиллерійской Экспедиціи Военной Коллегіи и первоприсутствующимъ въ канцеляріи Главной Артиллеріи и Фортификаціи. Павелъ I въ 1796 году назначилъ П. И. Мелиссино начальникомъ всей артиллеріи, но въ слѣдующемъ году, 26 Декабря, Мелиссино умеръ. Онъ погребенъ въ Лазаревской церкви Александро-Невской лавры.

Отъ брака съ Маріей Дмитріевной Кацаревой онъ имѣлъ одного сына, Алексѣя. Выдающійся знатокъ своей спеціальности, Мелиссино имѣлъ роковое вліяніе на исторію Россіи тѣмъ, что среди артиллеристовъ отличилъ и вывелъ въ люди Аракчеева, рекомендовавъ его Цесаревичу Павлу Петровичу. Мелиссино не только цѣнилъ Аракчеева, какъ хорошаго артиллериста, но и питалъ къ нему „чувства отца", называя его „любезнымъ сыномъ", „adorable ami" и „mon aimable Alechan". П. И. Мелиссино игралъ большую роль въ исторіи русскаго масонства. Еще въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка, посвященный во всѣ степени масонства, онъ, даже находясь на службѣ въ Яссахъ въ 1778 году, учредилъ тамъ ложу „Марса". Онъ занималъ первенствующее положеніе и среди Петербургскихъ масоновъ. Мелиссино создалъ свою „особую масонскую систему" и въ тайномъ „конклавѣ" изъ 10 избранныхъ лицъ изучалъ „неизвѣстныя и неизслѣдованныя тайны природы, которыя даютъ поводъ къ высшей славѣ и хвалѣ Создателя". Но, несмотря на это стремленіе къ „пониманію цѣли жизни" и къ обрѣтенію „истины и мудрости", Мелиссино не былъ идеаломъ добродѣтелей, но, наоборотъ, самымъ слабохарактернымъ и до глубокой старости сластолюбивымъ человѣкомъ. Его домъ былъ образцомъ не только европейскаго комфорта, но и чисто восточной нѣги. На его дачѣ, на Елагиномъ островѣ, была великолѣпная баня съ бассейномъ на 12 человѣкъ, и купальщики въ ней вытирались „индѣйской кисеей, затканной по бортамъ шелковыми цвѣтами и золотомъ"; послѣ купанья гости усаживались за обѣдъ въ роскошной турецкой палаткѣ на цвѣтущемъ лугу, при чемъ шла оглушительная пальба изъ пушекъ, любезная слуху артиллериста-хозяина, но заставлявшая болѣе слабонервныхъ гостей желать, чтобы эта пальба „происходила не такъ близко отъ нихъ". Но не всѣ удовольствія Мелиссино носили столь невинный характеръ, хотя и неприличный, можетъ-быть, для философа, погруженнаго въ тайны натуры. На старости лѣтъ этотъ „мастеръ темной пещеры" (масонская степень, изобрѣтенная Мелиссино) основалъ „Филадельфійское Общество", въ которомъ молодые развратники изъ золотой молодежи, въ родѣ братьевъ Зубовыхъ, проходили курсъ всевозможныхъ безпутствъ, подъ опытнымъ руководствомъ стараго сатира Мелиссино.

(Съ портрета, принадлежащаго А. А. Ватаци, въ С.-Петербургѣ.)

35

PIERRE IVANOWITCH MÉLISSINO, 1724 (1726) — 1797, deuxième fils d'Ivan Mélissino, émigré de l'île de Céphalonie en Russie, naquit le 11 janvier 1724 (d'après son épitaphe 1726), fit ses études au Corps des Cadets et choisit en sortant l'artillerie. Il fit la Guerre de Sept-Ans et la première campagne de Turquie, où, à la tête de toute l'artillerie, il contribua puissamment aux victoires de Khotine, Larga et Kagoul. Il devint ensuite directeur du Corps de l'Artillerie et du Génie, membre de la section d'artillerie du Collège Militaire et président de la Chancellerie générale d'Artillerie et de Fortification. Paul Ier lui confia en 1796 le commandement de toute l'artillerie, mais il mourut l'année suivante, le 26 décembre. Il fut inhumé dans l'église St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. Il avait épousé Marie Dmitriewna Katzareff, dont il eut un fils, Alexis.

Spécialiste consommé, Mélissino a été pour la Russie l'homme néfaste qui distingua Araktchéeff comme artilleur, le recommanda au Césarewitch Paul et fut ainsi l'auteur de son élévation. Et ce n'était pas seulement une question de métier: il avait pour lui „les sentiments d'un père", l'appelant „Mon cher fils", „Mon adorable ami" et „Mon aimable Alechan". Il joua également un grand rôle dans l'histoire de la maçonnerie russe. Initié à tous les grades dès avant 1770, il fonda même, étant en service à Yassy, la loge Mars. Très en vue parmi les maçons de Pétersbourg et auteur d'un système à lui, il était le centre d'un conclave de dix membres choisis qui se réunissaient pour étudier „les secrets ignorés et inexplorés de la nature, à la louange et à la plus grande gloire du Créateur". Mais malgré toutes ses aspirations à „l'intelligence du but de la vie" et à la découverte „de la vérité et de la sagesse", il était loin d'être un modèle de vertu: d'une extrême faiblesse de caractère, il resta jusqu'à l'âge le plus avancé un libidineux personnage. Son intérieur était un mélange de confort européen et de mollesse toute orientale. Sa villa de l'île Elaguine comportait un bain somptueux avec une piscine pour douze personnes, où les ablutions se faisaient avec des tissus „de mousseline d'Inde brochée sur les bords de soie de couleur et d'or", et d'où on passait dans une tente luxueusement montée, sur la prairie en fleurs, en salle de festin à la turque; le tout accompagné d'assourdissantes salves d'artillerie agréables à l'oreille du vieil artilleur, mais que des nerfs moins résistants auraient mieux aimé entendre d'un peu plus loin. Ce n'étaient là que les plus innocentes de ses distractions, encore que peu convenables, peut-être, pour un philosophe absorbé dans les arcanes de la nature: sur ses vieux jours, ce Maître de la caverne sombre (c'était un grade de son invention) fonda une Société de Philadelphie, où la fleur de la jeunesse dorée, entre autres les frères Zouboff, venaient suivre un cours complet d'inimaginables débauches sous la direction expérimentée de ce vieux satyre de Mélissino.

(D'après un original appartenant à A. Vatazi, St-Pétersbourg.)

36

МАРІЯ ДМИТРІЕВНА МЕЛИССИНО, 1740—1801, рожденная Кацарева, была супругой генерала-отъ-артиллеріи Петра Ивановича Мелиссино (р. 1726 г., † 1797 г.). Скончалась М. Д. Мелиссино 5 Іюня 1801 года и похоронена въ Лазаревской церкви Александро-Невской лавры. Рожденіе ея въ надгробной надписи показано 20 Іюля 1740 года.

Единственный сынъ ея и послѣдній представитель фамиліи Мелиссино, Алексѣй Петровичъ (р. 1761 г., † 1813 г.), былъ смертельно раненъ 15 Августа 1813 года въ сраженіи подъ Дрезденомъ.

(Съ портрета Лампи; собственность А. А. Ватаци, въ С.-Петербургѣ.)

36

MARIE DMITRIEWNA MÉLISSINO, 1740—1801, née Katzareff, était femme du général d'artillerie Pierre Ivanowitch Mélissino (1726—1797). Elle mourut le 5 juin 1801, et fut inhumée dans l'église St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. Son épitaphe porte la date de naissance 20 juillet 1740.

Son fils unique, Alexis (1761—1813), dernier représentant de la famille Mélissino, fut mortellement blessé le 15 août 1813 à la bataille de Dresde.

(D'après un original de Lampi, appartenant à A. Vatazi, St-Pétersbourg.)

АЛЕКСАНДРА ЕВТИХІЕВНА ДЕМИДОВА, 175.—18.., дочь Евтихія Ивановича Сафонова († въ Москвѣ 1775 г.), была третьей женой статск. совѣтника Никиты Акинѳіевича Демидова. Первые два брака послѣдняго, съ Наталіей Яковлевной Евреиновой († 1756 г.) и Маріей Сверчковой, къ великому огорченію Никиты Акинѳіевича, были безплодны. Плоха была надежда и на Александру Евтихіевну, которая была вообще слабаго здоровья и еще страдала какими-то „жестокими припадками“. Все это повело къ тому, что, „учредя свои дѣла и удостоенные къ рукѣ Всемилостивѣйшей Государыни“, 17 Марта 1771 г. Демидовы отправились изъ С.-Петербурга путешествовать въ чужіе края на 2 съ лишкомъ года. „Главнымъ побужденіемъ“, говоритъ самъ Никита Акинѳіевичъ, „къ предпріятію сего путешествія была безпрестанная болѣзнь Александры Евтихіевны: ибо господа медики, ее пользовавшіе, употребивъ многіе способы своего знанія, но безъ успѣха, напослѣдокъ отозвались, что къ ея исцѣленію другого средства не находятъ, кромѣ какъ ѣхать къ водамъ, въ Спа находящимся. Сей совѣтъ и надежда, чтобы видѣть въ совершенномъ здоровьѣ супругу, побудили его предпріять столь дальній путь“. Проѣхавъ Германію и осмотрѣвъ все попутно, Демидовы въ Лейденѣ поспѣшили обратиться къ знаменитому профессору Гоубіусу, который и предписалъ цѣлую систему лѣченія, между прочимъ прописавъ „пить ишачье (ослиное) молоко для наведенія тѣла“ и капли „для утвержденія нервовъ“ и для избѣжанія „прежестокой истерики“. Лѣченіе сдѣлало быстрые успѣхи. „Ишачье-ли молоко“, желѣзныя-ли капли или воздухъ, движеніе и удовольствія путешествія были причиной того, что, оставивъ въ Ноябрѣ Лейденъ, уже въ Январѣ 1772 г. Александра Евтихіевна, „къ чувствительной радости“ супруга, почувствовала себя беременной. Наконецъ, приблизился „радостный день“: 26 Сентября въ Парижѣ родилась дочь Екатерина. Демидовы объѣхали, кромѣ Германіи и Франціи, Англію и Италію и въ Ноябрѣ 1773 г. возвратились въ Россію. Александра Евтихіевна была уже вторично беременна и, не успѣвъ доѣхать до С.-Петербурга, въ Нарвѣ родила 9 Ноября сына Николая. „Тѣмъ окончили счастливо путешествіе, привезя въ отечество, къ великому удовольствію Никиты Акинѳіевича, дочь и сына!“ Позднѣе у Демидовой родилась еще дочь Марія (р. 1774 г.; въ замужствѣ за Д. Н. Дурново). Во время путешествія Демидовыхъ велся подробный дневникъ-журналъ, куда все заносилось съ точностью — маршрутъ, всѣ встрѣчи, посѣщенія, обѣды, увеселенія; особенно куріозны отзывы и сужденія о всемъ видѣнномъ и записи всѣхъ покупокъ, нужнаго и ненужнаго. Журналъ этотъ очень интересенъ тѣмъ, что рисуетъ съ откровенной наивностью какъ вкусы самихъ путешественниковъ, такъ и обстановку тогдашнихъ путешествій, при томъ людей на столько богатыхъ. Надо благодарить Н. А. Демидова, что онъ изъ своего-ли тщеславія или въ поученіе „для его фамиліи“ напечаталъ свой дневникъ въ Москвѣ, въ 1786 г., съ своимъ портретомъ, подъ заглавіемъ: „Журналъ путешествія Его Высокородія г. стат. сов. и орд. св. Станислава кавалера Никиты Акинѳіевича Демидова“. На экземплярѣ въ библіотекѣ Великаго Князя Николая Михаиловича (изъ распроданнаго на рынкѣ, къ стыду, собранія П. А. Ефремова) рукою покойнаго П. А. Ефремова написано: „рѣдчайшая“. Кромѣ того, на книгѣ написано: „Сію книгу дарю отъ усердія милостивому государю Семену Васильевичу Смирнову путешествія моего дядюшки, а вашего дѣдушки. Преданный вашъ слуга Аммосъ Дѣмидовъ, 1821 г., Маія 21 дня, въ Москвѣ“.

Будучи за границей, путешественники постарались увѣковѣчить свои изображенія: въ Парижѣ „королевскій портретный живописецъ“ Росленъ въ Январѣ 1772 г. написалъ портретъ Александры Евтихіевны. Онъ же написалъ и Никиту Акинѳіевича „чрезвычайно сходственно, съ такимъ искусствомъ, какого лучше желать не можно“. Кромѣ того, „въ Ноябрѣ (1772 г.) начаты дѣлать Н. А. и А. Евт. мраморные бюсты русскимъ пансіонеромъ г. Шубинымъ, и, чтобы болѣе имѣть время работать, переѣхалъ къ намъ жить“.

Прилагаемый портретъ, вѣроятно, и есть тотъ самый, который писалъ Росленъ въ Парижѣ и ошибочно приписанъ Грёзу, кисти котораго при томъ и не напоминаетъ.

(Съ портрета Рослена; собственность П. П. Дурново, въ С.-Петербургѣ.)

ALEXANDRINE EVTIKHIEWNA DÉMIDOFF, 175. — 18.., fille d'Eutiche Ivanowitch Safonoff (✝ à Moscou, 1773), fut la troisième femme du conseiller d'état Nikita Akinfiewitch Démidoff. Sans enfants, à son grand désespoir, des deux premières, Natalie Yakovlewna Evréinoff (✝ 1756) et Marie Svertchkoff, il ne comptait guère sur elle non plus, en raison de son état maladif et des „violentes attaques" auxquelles elle était sujette, et entreprit avec elle le 17 Mars 1771, après avoir „mis ordre à ses affaires et eu la faveur de baiser la main de Sa Très Gracieuse Majesté", un voyage à l'étranger qui ne dura pas moins de deux ans. „Le motif principal de ce voyage", dit-il lui-même, „est la santé de ma femme, car MM. les médecins ont épuisé toutes les ressources de leur art, et sont unanimes à déclarer qu'il n'y a de salut pour elle qu'aux eaux de Spa. C'est sur leur conseil et dans l'espoir de la voir complètement rétablie que nous nous décidons à cet immense déplacement". Les voyageurs visitèrent d'abord l'Allemagne en passant, puis allèrent à Leyde consulter le célèbre professeur Hoobius, qui ordonna tout un traitement et prescrivit „du lait de mule à boire pour faire engraisser" et des gouttes „pour raffermir les nerfs" et prévenir ces „terribles crises". Le mal se trouva rapidement enrayé; fut-ce le „lait de mule" et les gouttes de fer, ou peut-être l'air, le mouvement et l'agrément du voyage: toujours est-il qu'après avoir quitté Leyde en novembre, la jeune femme, „au sensible plaisir" de son mari, se sentit enceinte dès le mois de janvier suivant. Enfin „l'heureux événement" arriva, et une petite Catherine naquit à Paris le 26 septembre 1772. Après l'Allemagne et la France, on fit encore le tour de l'Angleterre et de l'Italie, puis Mme Démidoff revenait en Russie, enceinte une seconde fois, et, sans pouvoir même rentrer à Pétersbourg, s'arrêtait à Narva pour donner le jour le 9 novembre 1773 à un fils Nicolas. „Ainsi se termina le voyage, d'où l'heureux père, à sa grande joie, rapportait une fille et un fils!" L'année suivante, en 1774, naquit une seconde fille, Marie, mariée plus tard à D. Dournovo. Il est resté du fameux voyage un journal détaillé, où tout est consigné par le menu, itinéraire, rencontres, visites, dîners, distractions, emplettes utiles et inutiles, et qui renferme sur toute espèce de choses des appréciations et opinions particulièrement curieuses, mais dont le grand intérêt est surtout dans le tableau tout naïf qu'il présente, tant des goûts personnels des voyageurs que des conditions dans lesquelles se faisaient alors les voyages, ceux du moins des gens aussi riches. Simple gloriole ou désir réel de donner un livre instructif „A sa Famille", toujours ne peut-on que savoir gré à Démidoff d'avoir publié en 1786 à Moscou son Journal du Voyage du Très Noble conseiller d'état Nikita Démidoff, chevalier de St-Stanislas, avec un portrait de l'auteur. L'exemplaire de la bibliothèque du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch, jadis celui de la collection P. Efrémoff (honteusement dispersée au vent des enchères), porte, avec la mention „Très rare" de la main du regretté collectionneur, l'envoi suivant: „A Monsieur Simon Vassiliewitch Smirnoff, présent cordial de ce livre du voyage de mon oncle, son grand-père, de la part de son dévoué serviteur Ammos Démidoff, Moscou, 21 mai 1821".

A l'étranger, les voyageurs tinrent à faire immortaliser leurs traits. A Paris, le „Portraitiste Royal" Roslin fit le portrait de Mme Démidoff en janvier 1772; on a du même artiste celui de Démidoff, „d'une parfaite ressemblance, et d'une touche qui ne laisse rien à désirer". En outre, „en novembre 1772, commencé les bustes en marbre des deux époux, par le pensionnaire de l'état russe Choubine, qui, pour avoir mieux le temps de travailler, est allé se fixer chez eux".

Le présent portrait est sans doute celui que fit Roslin à Paris, faussement attribué à Greuze, dont il ne rappelle d'ailleurs nullement la manière.

(D'après un original de Roslin, appartenant à P. Dournovo, St-Pétersbourg.)

CATHERINE IVANOWNA NÉLIDOFF, 1758—1839, fille du lieutenant Ivan Dmitriewitch Nélidoff et d'Anne Alexandrowna, née Simonoff, naquit le 12 décembre 1758 à Klimatine, district de Dorogobouge. Admise en 1765 à l'institut Smolna récemment fondé par Catherine II, elle s'y fit bientôt remarquer par son aptitude pour la danse et sa grâce incomparable. En 1775, l'Impératrice la fit peindre par Lévitzky dansant le menuet (v. T. III, № 31). A sa sortie de l'institut en 1776, elle fut faite demoiselle d'honneur de la Grande-Duchesse Natalie Alexéewna, puis de la Grande-Duchesse Marie Féodorowna. Esprit pénétrant, caractère ferme et personnel, elle eut vite fait de s'adapter à un milieu nouveau pour elle. Petite et brune, elle n'était pas belle, mais ses yeux noirs vifs et brillants, son visage expressif, son animation et sa gaieté, sa conversation pétillante d'esprit, tout attirait involontairement vers elle. Le Césarewitch se mit à prendre plaisir à la société de la demoiselle d'honneur de sa femme, puis en vint à lui vouer un culte chevaleresque: la vivacité de son esprit, la franchise et la noblesse de ses jugements la mettaient mieux à même de satisfaire une âme comme celle de ce prince, chevaleresque, éprise de justice et de dévouement au bien public, que la Grande-Duchesse, allemande compassée et méthodique; dans ses qualités d'esprit et de caractère, cette nature nerveuse et dévoyée, à la recherche de son équilibre moral, trouvait un soulagement et un appui.... Mlle Nélidoff prit à la longue un ascendant complet sur l'esprit et le cœur de Paul Pétrowitch, saisit la nature de son caractère, et finit par savoir le gouverner. Dans son enthousiasme, elle en vint à la conviction qu'elle était „destinée par Dieu même“ pour préserver Paul et le diriger dans l'intérêt du bien général. La liaison était purement morale, teintée de mysticisme religieux; c'était, dit Paul Ier lui-même, „une amitié sacrée et tendre, mais innocente et pure“. Le public ne pouvait comprendre des rapports de cette nature, et, dès 1785, Mlle Nélidoff passait à la Cour et dans la société pour la maîtresse de Paul, que la calomnie porta à redoubler les témoignages publics de sa déférence envers une jeune fille qui souffrait injustement pour lui. La Grande-Duchesse n'attribua d'abord aucune importance à cette intimité, qu'elle fit même servir à ses visées, mais ensuite elle s'en indigna, et Mlle Nélidoff ne s'apercevait pas de toute l'amertume qu'elle amoncelait dans le cœur de l'épouse outragée. A partir de 1795, la demoiselle d'honneur perdit de son empire sur Paul à la suite d'intrigues de ses ennemis, mais gagna par contre dans la confiance de la Césarewna, qui s'était découvert en elle une alliée. La brouille devint complète en 1796, et Mlle Nélidoff se retira à Smolna, où elle était fixée depuis quelque temps, ne venant à la Cour que par intervalles. A l'avènement de Paul Ier, elle reprit tout son crédit, et conclut avec Marie Féodorowna une véritable alliance pour le bien de celui qu'elles aimaient toutes deux. Leurs efforts tendaient surtout à préserver le Souverain des accès de colère et des résolutions inconsidérées, à intercéder pour les victimes de la disgrâce, à faire donner les grandes charges à des personnages bien intentionnés et dévoués. Sur les affaires d'état proprement dites, Mlle Nélidoff ne pouvait avoir d'influence: elle conserva toujours son exaltation et son sentimentalisme d'institut, sans autres mobiles de conduite que ceux qu'elle trouvait dans son sens moral et dans son cœur. En 1798, les ennemis de l'Impératrice et de Mlle Nélidoff insinuèrent à Paul Ier qu'il était sous la tutelle de sa femme et de la demoiselle d'honneur, gouvernant ensemble sous son nom, et poussèrent Mlle Lopoukhine à la place de Mlle Nélidoff, qui, après le renvoi de Pétersbourg de sa meilleure amie la comtesse Buxhœwden, alla en septembre 1798 la rejoindre au château de Lodé. La mort de Paul Ier lui porta un coup terrible; elle vieillit et blanchit rapidement. Jusqu'à la mort de l'Impératrice, elle resta en relations d'amitié avec elle; après, presque complètement oubliée, elle termina ses jours à Smolna, conservant jusqu'au bout son ardeur si particulière et sa conversation séduisante, mais faisant en même temps le désespoir de son entourage avec son humeur grincheuse et son exigence. Elle mourut le 2 janvier 1839 dans les bras de sa nièce bien-aimée la princesse A. Troubetzkoï, née Nélidoff, et fut inhumée au cimetière d'Okhta, en face de son cher Smolna. Le présent portrait donne de son visage une idée qui est loin d'être si désavantageuse; il semble bien vivant et bien ressemblant, et était jusqu'ici complètement inconnu.

(D'après un original de Voille, appartenant à la princesse E. Golitzyne, St-Pétersbourg.)

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА НЕЛИДОВА, 1758—1839, дочь поручика Ивана Дмитріевича отъ брака съ Анной Александровной Симоновой, родилась 12 Декабря 1758 г. въ с. Климатинѣ, Дорогобужскаго уѣзда. Въ 1765 г. она была принята въ только-что основанный Екатериной II Смольный институтъ, гдѣ рано обратила на себя вниманіе своей способностью къ танцамъ и чрезвычайной граціей. Въ 1775 г. Екатерина II велѣла Левицкому написать портретъ Нелидовой, танцующей менуэтъ (см. т. III, № 31). По окончаніи въ 1776 г. института, Нелидова была назначена фрейлиной къ Великой Княгинѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, а затѣмъ къ Великой Княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Проницательный умъ и твердый самостоятельный характеръ Нелидовой помогли ей быстро освоиться съ новой для нея обстановкой. Маленькая брюнетка, Нелидова была некрасива, но умные, блестящіе черные глаза, выразительное лицо, подвижной, веселый характеръ, разговоръ, блещущій остроуміемъ, невольно привлекали къ ней. Цесаревичъ сталъ находить удовольствіе въ обществѣ фрейлины своей супруги, а потомъ дошелъ до рыцарскаго ей поклоненія. Живостью своего ума, искренностью и благородствомъ своихъ сужденій она умѣла отвѣчать душевнымъ запросамъ Павла Петровича, съ его рыцарскимъ характеромъ и стремленіями къ правдѣ и народному благу, въ большей степени, чѣмъ его супруга, отличавшаяся нѣмецкой аккуратностью и методичностью. Нервная, надломленная натура Цесаревича въ стремленіи къ душевному равновѣсію находила нѣкоторое успокоеніе и поддержку въ свойствахъ ума и характера Нелидовой. Она постепенно совершенно овладѣла умомъ и сердцемъ Павла Петровича и, понявъ свойство его характера, умѣла имъ управлять. Въ своей восторженности она пришла къ убѣжденію, что „самъ Богъ предназначилъ ее“ охранять Павла и руководить имъ для общаго блага. Связь ихъ была чисто нравственная, отчасти на религіозно-мистической подкладкѣ; по словамъ самого Павла I, его соединяла съ Нелидовой „дружба священная и нѣжная, но невинная и чистая“. Людямъ непонятны были такія отношенія, и уже съ 1785 г. Нелидову при дворѣ и въ обществѣ считали любовницей Павла, существованіе же клеветы заставляло Великаго Князя удвоить публичное выраженіе своего уваженія къ дѣвушкѣ, несправедливо страдающей изъ-за него. Марія Ѳеодоровна первоначально не придавала значенія сближенію мужа съ фрейлиной и даже пользовалась ея вліяніемъ для своихъ цѣлей, но затѣмъ стала имъ возмущаться, а Нелидова не замѣчала, сколько горечи должно было накопиться въ душѣ оскорбленной супруги. Съ 1795 г. интриги враговъ Нелидовой уменьшили вліяніе ея на Павла, зато возросло довѣріе къ ней Цесаревны, понявшей, что Нелидова — ея союзница. Въ 1796 г. произошла между друзьями размолвка, и Нелидова уединилась въ Смольномъ, гдѣ она поселилась еще раньше, только на время пріѣзжая ко двору. Съ восшествіемъ на престолъ Павла I значеніе Нелидовой возстановилось, съ Маріей же Ѳеодоровной онѣ заключили настоящій дружественный союзъ для блага любимаго обѣими человѣка. Ихъ старанія были направлены на то, чтобы удерживать Государя отъ вспышекъ гнѣва и необдуманныхъ рѣшеній, ходатайствовать за опальныхъ, замѣщать высшія должности благонамѣренными и преданными людьми. Собственно на государственныя дѣла Нелидова не могла имѣть вліянія, такъ какъ, оставаясь всегда восторженно-сентиментальной институткой, руководилась обыкновенно нравственными и сердечными мотивами. Въ 1798 г. враги Императрицы и Нелидовой внушили Павлу I, что онъ находится подъ опекой супруги и ея камеръ-фрейлины, царствующихъ его именемъ, и устроили замѣну Нелидовой А. П. Лопухиной. Послѣ высылки изъ Петербурга въ замокъ Лоде графини Н. А. Буксгевденъ, любимой подруги Нелидовой, послѣдняя, въ Сентябрѣ 1798 г., тоже удалилась въ Лоде. Смерть Павла I очень потрясла Нелидову; она быстро состарилась и посѣдѣла. Дружба ея съ Императрицей продолжалась до смерти послѣдней. По смерти Маріи Ѳеодоровны, Нелидова, почти всѣми забытая, доживала свой вѣкъ въ Смольномъ, сохранивъ до конца свой своеобразный пылкій умъ, продолжая плѣнять своей бесѣдой, но въ то же время доставляя много непріятностей близкимъ своей ворчливостью и требовательностью. Скончалась она 2 Января 1839 г. на рукахъ своей любимой племянницы, княгини А. А. Трубецкой, рожденной Нелидовой, и погребена на Охтенскомъ кладбищѣ, расположенномъ противъ милаго ея сердцу Смольнаго. Настоящій портретъ Е. И. Нелидовой, изображающій ее далеко не такой некрасивой и, очевидно, очень жизненный и сходный съ оригиналомъ, до сего времени былъ совершенно неизвѣстенъ.

(Съ портрета Вуаля (?); собственность княгини Е. Н. Голицыной, въ С.-Петербургѣ.)

39

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ, 1799—1837. Воспроизводимый здѣсь портретъ Пушкина, принадлежащій кисти знаменитаго „любимца грацій" Ореста Адамовича Кипренскаго († 1836 г.), при жизни и долгое время послѣ смерти великаго поэта — вплоть до 1870-хъ годовъ — былъ наиболѣе извѣстнымъ изображеніемъ его: въ то время какъ Тропининскій и другіе были достояніемъ частныхъ лицъ и долгое время совсѣмъ не воспроизводились, — этотъ портретъ, главнымъ образомъ благодаря извѣстнымъ гравюрамъ Н. И. Уткина (1827 и 1838 гг.), былъ очень популяренъ и служилъ прототипомъ для большинства изображеній поэта въ гравюрахъ и литографіяхъ.

Кипренскій написалъ портретъ Пушкина въ 1827 году, въ Петербургѣ, въ періодъ времени между пріѣздомъ поэта изъ Москвы и отъѣздомъ его въ Михайловское (т.-е. между концомъ Мая и концомъ Іюля), по заказу барона А. А. Дельвига; портретъ былъ вскорѣ награвированъ Уткинымъ и приложенъ къ „Сѣвернымъ Цвѣтамъ" на 1828 годъ („Портретъ твой въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ", писалъ Пушкину Баратынскій, „чрезвычайно похожъ и прекрасно гравированъ". — „Какъ твой портретъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" хорошъ и похожъ: чудо!" читаемъ въ письмѣ Катенина). Вмѣстѣ съ другими работами Кипренскаго портретъ этотъ былъ показанъ на выставкѣ въ Императорской Академіи Художествъ, открывшейся 1 Сентября. Никитенко, посѣтившій выставку 2-го числа, записалъ въ своемъ дневникѣ: „Я не знатокъ въ живописи и сужу о ней только по впечатлѣнію, какое на меня производитъ то или другое произведеніе.... Очень хорошъ показался мнѣ портретъ Мордвинова, писанный Довомъ. Хороши также Аракчеевъ и Сперанскій.... Вотъ поэтъ Пушкинъ. Не смотрите на подпись: видѣвъ его хоть разъ живого, вы тотчасъ узнаете его проницательные глаза и ротъ, которому недостаетъ только безпрестаннаго вздрагиванія; этотъ портретъ писанъ Кипренскимъ". Столь же восторженный отзывъ о портретѣ былъ данъ и Булгаринымъ въ описаніи выставки, помѣщенномъ въ „Сѣверной Пчелѣ" 1827 г. (№ 110): „Благодаримъ художника отъ имени всей образованной публики", писалъ онъ, „за то, что онъ сохранилъ драгоцѣнныя для потомства черты любимца музъ. Не распространяясь въ исчисленіи красотъ сего произведенія г. Кипренскаго, мы скажемъ только, что это—живой Пушкинъ". Очень удачнымъ считалъ этотъ портретъ (вѣрнѣе—гравюру съ него Уткина) и отецъ поэта, Сергѣй Львовичъ. Но мнѣніе это раздѣлялось не всѣми: нѣкоторые находили, что Кипренскій во многомъ польстилъ поэту, нивеллировавъ рѣзкость чертъ его лица. Н. В. Кукольникъ, знавшій Пушкина, впрочемъ, позднѣе, говоря о работахъ Кипренскаго, по поводу настоящаго портрета замѣчаетъ, что на немъ „положеніе поэта не довольно хорошо придумано; оборотъ тѣла и глазъ несвойственъ Пушкину, драпировка умышленна, Пушкинской простоты не видно". Фигура музы, помѣщенная на портретѣ, и безъ того манерномъ, придаетъ ему еще больше претенціозности; она приписана была, по свидѣтельству Булгарина, позднѣе. Во всемъ этомъ видно желаніе идеализировать поэта, изобразить не Пушкина-человѣка, а Пушкина-поэта, какимъ хотѣли его видѣть поклонники его и почитатели. По мнѣнію Д. Н. Анучина, высказанномъ въ его антропологическомъ этюдѣ о Пушкинѣ, портретъ Кипренскаго менѣе другихъ удаченъ въ передачѣ характерныхъ подробностей лица Пушкина и въ то же время не схватываетъ общаго его выраженія. Поэтому портретъ работы Тропинина (воспроизведенный во II томѣ настоящаго изданія, № 29) цѣненъ именно своею правдою, реализмомъ и простотою.

По смерти барона Дельвига Пушкинъ выкупилъ свой портретъ у его вдовы, Софьи Михайловны; съ тѣхъ поръ онъ всегда находился у него и въ день его смерти висѣлъ въ его кабинетѣ; нынѣ онъ принадлежитъ старшему сыну поэта и былъ на выставкѣ портретовъ въ Таврическомъ дворцѣ. Съ него существуетъ нѣсколько копій; одна изъ нихъ, работы Виневецкаго (1837 г.), — нынѣ въ Императорской Академіи Наукъ (изъ коллекціи Россійской Академіи), гдѣ имѣется также другая старинная копія, съ поворотомъ въ другую сторону и безъ музы; оба эти портрета воспроизведены въ Альбомѣ Пушкинской юбилейной выставки въ Петербургѣ.

(Съ портрета О. Кипренскаго, 1827 г.; собственность А. А. Пушкина, въ Москвѣ.)

ALEXANDRE SERGUÉEWITCH POUCHKINE, 1799—1837. La présente reproduction est celle d'un original dû au Favori des Grâces, Oreste Kiprensky († 1836), et qui fut toute la vie du poète et plus tard même, jusqu'après 1870, son portrait le plus répandu; tandis que celui de Tropinine et d'autres restèrent longtemps dans des collections particulières sans être jamais reproduits, celui-là, grâce surtout aux gravures connues d'Outkine (1827 et 1838), devint très populaire et fut le prototype de presque toutes les gravures et lithographies représentant Pouchkine.

Exécuté à Pétersbourg en 1827 sur la commande du baron Delvig, lors du séjour que Pouchkine, venu de Moscou, y fit de fin Mai à fin Juillet avant de repartir pour Mikhaïlowskoïé, ce portrait de Kiprensky fut peu après gravé par Outkine et publié dans les Fleurs du Nord en 1828. „Ton portrait des Fleurs du Nord est d'une ressemblance étonnante et supérieurement gravé", écrit Baratynsky au poète, et Katénine lui dit aussi dans une de ses lettres: „Comme ton portrait des Fleurs du Nord est bien fait et ressemblant, c'est merveilleux!" Il fut du nombre des tableaux de Kiprensky ayant figuré à l'exposition qui s'ouvrit le 1er septembre à l'Académie des Beaux-Arts. „Je ne suis pas connaisseur en peinture", dit dans son journal Nikitenko après la visite qu'il y fit le lendemain de l'ouverture, „et je ne juge que d'après l'impression que me produit telle ou telle œuvre.... J'ai trouvé très bien le Mordvinoff de Dove. Bien aussi Araktchéeff et Spéransky.... Voici le poète Pouchkine. Inutile de lire l'inscription: ne l'eût-on vu vivant qu'une fois, on reconnaît tout de suite ces yeux pénétrants et cette bouche à laquelle il ne manque que son tremblement continuel. C'est de Kiprensky". Non moins enthousiaste est Boulgarine dans son compte-rendu de l'exposition publié par L'Abeille du Nord (1827, № 110): „Au nom de tout le public cultivé", dit-il, „nous remercions l'artiste d'avoir conservé à la postérité les précieux traits du favori des Muses. Sans nous attarder à énumérer les beautés de l'œuvre de Kiprensky, nous n'avons qu'une chose à dire: c'est un Pouchkine vivant". Enfin le portrait en question, ou plutôt la gravure d'Outkine, eut également toute l'approbation de Serge Pouchkine, le père du poète. Il y avait d'ailleurs des dissonances: on reprochait souvent au peintre d'avoir par trop flatté son modèle et fortement atténué la rudesse des traits. Koukolnik, qui ne connut Pouchkine que plus tard, ne trouve pas „la pose trop heureuse: attitude du corps, direction du regard, manière de se draper, rien dans tout cela que de purement artificiel et d'absolument étranger à la simplicité de Pouchkine". La muse, ajoutée, dit Boulgarine, après coup, ne fait que souligner encore le maniéré et le prétentieux du tableau. Tout cela trahit une préoccupation d'idéalisme, un effort pour substituer à l'homme le poète, au goût de ses amis et admirateurs. Moins heureux que les autres, dit Anoutchine dans son étude anthropologique sur Pouchkine, pour le détail des traits caractéristiques de l'original, le portrait de Kiprensky ne rend pas non plus l'expression d'ensemble; aussi celui de Tropinine qui figure au Tome II, № 29, de la présente publication n'en est-il que plus précieux justement par sa vérité, son réalisme et sa simplicité.

A la mort du baron Delvig, Pouchkine racheta le portrait à sa veuve: il le garda toujours chez lui et l'avait encore dans son cabinet le jour de sa mort. Son fils aîné en hérita et l'envoya à l'exposition de portraits du Palais Taurique. Il en existe plusieurs copies; celle de Vinévetzky (1837) est actuellement, dans la collection de l'Académie Russe, à l'Académie des Sciences, qui possède aussi une autre vieille copie, le corps tourné de l'autre côté et sans la Muse. Ces deux copies sont reproduites dans l'Album de l'Exposition Jubilaire de Pouchkine à St-Pétersbourg.

(D'après un original de O. Kiprensky, 1827, appartenant à A. Pouchkine, Moscou.)

40

Князь **НИКИТА ПЕТРОВИЧЪ ТРУБЕЦКОЙ**, 1804—1886, единственный сынъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя Петра Сергѣевича (р. 1760 г., † 1817 г.), отъ второго его брака съ Мареой Петровной Кроминой, сводный братъ декабриста, родился 6 Августа 1804 года. Двѣнадцати лѣтъ лишился онъ отца, и мать его всецѣло посвятила себя воспитанію сына и устройству имѣнія, доставшагося имъ на долю (400 душъ въ Нижегородской губ.). По словамъ близко знавшей Трубецкихъ Е. П. Яньковой, „сынъ выросъ, и мать была имъ утѣшена: онъ вышелъ хорошій человѣкъ, къ матери почтительный, и, по ея желанію, женился довольно молодымъ на весьма достойной и умной дѣвицѣ, на фрейлинѣ Нелидовой, которая на нѣсколько лѣтъ была старше его. Они жили согласно“. Зачисленный въ пажи, князь Н. П. Трубецкой въ 1823 г. былъ произведенъ изъ камеръ-пажей въ корнеты въ Кавалергардскій полкъ. Въ 1826 г., по болѣзни, уволенъ въ отставку, съ чиномъ поручика, и опредѣленъ въ Министерство Иностранныхъ дѣлъ, съ пожалованіемъ въ камеръ-юнкеры. Выйдя въ отставку въ 1832 г., Трубецкой черезъ 6 лѣтъ снова поступилъ на службу; съ 1839 по 1843 г. онъ служилъ въ Почтовомъ департаментѣ, въ 1839 г. получилъ званіе церемоніймейстера, въ 1843 г. причисленъ къ Министерству Внутреннихъ дѣлъ, съ 1844 по 1846 г. былъ въ командировкѣ въ Нижегородской губерніи для статистическаго описанія ея и въ 1852 г. назначенъ членомъ Капитула орденовъ. Состоя въ этой должности, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, князь Н. П. Трубецкой скончался 30 Января 1886 г. и похороненъ въ Тверскомъ женскомъ Христорождественскомъ монастырѣ.

Съ 1825 г. Трубецкой былъ женатъ на Александрѣ Александровнѣ Нелидовой († 1886 г.), родной племянницѣ и воспитанницѣ камеръ-фрейлины Екатерины Ивановны Нелидовой, и имѣлъ 2 сыновей: Петра (р. 1826 г., † 1880 г.) и Сергѣя (оберъ-гофмаршалъ, директоръ Императорскаго Эрмитажа, р. 1829 г., † 1899 г.), и 2 дочерей: Екатерину (р. 1831 г.), въ замужствѣ за княземъ Павломъ Васильевичемъ Голицынымъ, и Александру (р. 1836 г., † 1891 г.), за княземъ Иваномъ Михайловичемъ Голицынымъ.

(Съ портрета О. Кипренскаго; собственность князя Н. С. Трубецкого, въ С.-Петербургѣ.)

40

Le prince NIKITA PÉTROWITCH TROUBETZKOÏ, 1804—1886, fils unique du prince Pierre Serguéewitch Troubetzkoï (1760—1817), conseiller d'état actuel, et de sa seconde femme Marthe Pétrowna Kromine, frère consanguin du décabriste, naquit le 6 août 1804. Il perdit son père à 12 ans, et sa mère se consacra tout entière à son éducation et à l'administration du bien (400 têtes de paysans au gouvernement de Nijni-Novgorod) dont il était l'héritier. „L'enfant grandit", dit une amie de la famille, Mme Yankoff, „et fit la consolation de sa mère; ce fut un brave garçon, plein d'égards pour elle, et qui se conforma à ses volontés en épousant assez jeune une personne de quelques années plus âgée que lui, mais des plus honorables et des plus intelligentes, la demoiselle d'honneur Nélidoff. Le ménage fut parfaitement uni". Enrôlé page, le prince Troubetzkoï était page de la chambre, quand il passa en 1823 cornette aux Chevaliers-Gardes. En 1826, retraité comme lieutenant pour raisons de santé, il entra au ministère des affaires étrangères et fut nommé gentilhomme de la chambre. Démissionnaire en 1832, il reprit du service au bout de six ans: affecté en 1839 au département des Postes en même temps qu'il était nommé maître des cérémonies, il passa en 1843 au ministère de l'intérieur, puis alla en mission de 1844 à 1846 recueillir sur place les matériaux d'une description statistique du gouvernement de Nijni-Novgorod. Il était depuis 1852 membre du Chapitre des Ordres russes lorsqu'il mourut conseiller d'état actuel le 30 janvier 1886; il fut inhumé au monastère de femmes de la Nativité, à Tver.

Le prince Troubetzkoï avait épousé en 1825 Alexandrine Alexandrowna Nélidoff († 1886), nièce et pupille de Mlle Catherine Nélidoff. Il eut deux fils, Pierre (1826—1880) et Serge (1829—1899), grand maréchal de la Cour et directeur de l'Ermitage, et deux filles, Catherine (née 1831), mariée au prince Paul Vassiliewitch Golitzyne, et Alexandrine (1836—1891), au prince Ivan Mikhaïlowitch Golitzyne.

(D'après un original de O. Kiprensky, appartenant au prince N. Troubetzkoï, St-Pétersbourg.)

41

АГРИППИНА ЛЕОНТЬЕВНА АПРАКСИНА, 1719—1771, супруга генералъ-фельдмаршала Степана Ѳедоровича Апраксина (р. 1702 г., † 1758 г.), была дочь генералъ-поручика Леонтія Яковлевича Соймонова и жены его, рожденной Кокошкиной. Родилась она 4 Іюня 1719 г. и замужъ вышла очень молодой, почти дѣвочкой, такъ какъ въ 1735 г. родилась уже ея старшая дочь, Елена. Пожалованная Императрицей Елисаветой Петровной 26 Октября 1756 г., при назначеніи С. Ѳ. Апраксина главнокомандующимъ русскими войсками въ Пруссіи, въ дѣйствительныя статсъ-дамы, она, послѣ паденія мужа, принуждена была оставить Дворъ и по смерти его, въ 1760 г., удалилась въ свою подмосковную, Ольгово. При восшествіи на престолъ Петра III Апраксина получила позволенье вернуться въ Петербургъ и заняла прежнее видное положеніе при Дворѣ. Екатерина II упоминаетъ въ своихъ запискахъ о „фельдмаршальшѣ Апраксиной" въ числѣ прочихъ „старыхъ дамъ, подручно случавшихся", съ коими она совѣтовалась въ томъ, что касалось похоронъ Императрицы Елисаветы, „въ чемъ на нихъ угодила чрезвычайно". Скончалась А. Л. Апраксина 28 Октября 1771 г. и похоронена въ С.-Петербургѣ, на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Е. П. Янькова разсказываетъ объ Апраксиной, что, вслѣдствіе постоянныхъ отлучекъ и походовъ фельдмаршала Апраксина, „всѣмъ завѣдывала его жена и, должно быть, она была скупенька; какъ понадобятся деньги, вотъ онъ и придетъ къ ней: Ну-ка, Леонтьевна, распоясывайся, разставайся съ завѣтными, давай-ка денежекъ". По словамъ Карабанова, Агриппина Леонтьевна Апраксина „была одарена возвышенными и благородными чувствами". Она домовито распоряжалась и завѣдывала дѣлами мужа, постоянно находившагося въ походахъ, но при этомъ дѣлала много добра: такъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуетъ надгробная надпись на ея могилѣ:

„Источникъ милостей отъ сей на ближнихъ текъ
И добродѣтелями ея красенъ былъ вѣкъ.
То множество дѣвицъ являютъ благородныхъ,
Чрезъ дѣйствіе ея талантовъ превосходныхъ,
Благополучными содѣланныхъ отъ ней;
Въ нихъ жертва и хвала и вѣчна память ей!"

А. Л. Апраксина имѣла одного сына, Степана Степановича Апраксина (р. 1757 г., † 1827 г.), женатаго на княжнѣ Екатеринѣ Владиміровнѣ Голицыной, и двухъ дочерей, извѣстную красавицу княгиню Елену Степановну Куракину (р. 1735 г., † 1769 г.) и Марію Степановну Талызину (р. 1742 г., † 1796 г.).

(Съ портрета графа Ротари; собственность А. М. Апраксиной, с. Ольгово, Московской губ.)

41

AGRIPPINE LÉONTIEWNA APRAXINE, 1719—1771, femme du général feld-maréchal Stéphane Féodorowitch Apraxine (1702—1758), était fille du général lieutenant Léonce Yakovlewitch Soïmonoff et de sa femme, née Kokochkine. Elle naquit le 4 juin 1719, et fut mariée toute jeune, presque enfant, car elle eut sa fille aînée, Hélène, en 1735. Faite dame d'honneur par l'Impératrice Elisabeth Pétrowna le 26 octobre 1756, en même temps que son mari était nommé commandant en chef des troupes russes en Prusse, elle dut quitter la Cour lors de la disgrâce du feld-maréchal, et, devenue veuve, en 1760, se retira dans sa propriété d'Olgovo, aux environs de Moscou. A l'avènement de Pierre III, elle put revenir à Pétersbourg et reprendre sa situation marquante à la Cour. Catherine II la cite dans ses Mémoires au nombre „des dames âgées qui se trouvèrent là à propos", dont elle prit conseil au sujet des funérailles de l'Impératrice Elisabeth, et „auxquelles elle en sut un gré infini". Mme Apraxine mourut le 28 octobre 1771, et fut inhumée à St-Pétersbourg, au cimetière St-Lazare du monastère d'Alexandre Newsky.

En raison des fréquentes absences et des campagnes du feld-maréchal, dit Mme Yankoff, „c'était sa femme qui gouvernait tout, et elle devait être d'une belle avarice: quand il n'avait plus d'argent, il allait la trouver: „Allons, ma bonne, desserre les cordons de ta bourse, lâche un peu de ton magot, donne de l'argent". Karabanoff la représente comme une personne „aux sentiments élevés et nobles". Ses talents de maîtresse de maison et le soin qu'elle prenait des affaires de son mari toujours en campagne ne l'empêchèrent pas de faire beaucoup de bien, à juger du moins d'après son épitaphe:

„Elle a sur son prochain répandu ses bienfaits,
„De toutes les vertus sa vie fut embellie.
„Témoin la quantité de jeunes filles nobles
„Qui, grâce à ses talents, devinrent excellentes
„Et qu'elle sut conduire à la prospérité.
„Cette œuvre est sa louange, à jamais mémorable!"

Mme Apraxine eut un fils, Stéphane (1757—1827), qui épousa la princesse Catherine Vladimirowna Golitzyne, et deux filles, la belle princesse Hélène Stépanowna Kourakine (1735—1769) et Marie Stépanowna Talyzine (1742—1796).

(D'après un original du comte Rotary, appartenant à Mme A. Apraxine, Olgovo, gouv. de Moscou.)

42

СЕРГѢЙ СЕРГѢЕВИЧЪ КУШНИКОВЪ, 1767—1839, С.-Петербургскій губернаторъ, сенаторъ, женатъ былъ на Екатеринѣ Петровнѣ Бекетовой. Біографическія свѣдѣнія о нихъ см. въ т. II, № 45, и т. III, № 197.

Прилагаемый здѣсь портретъ Кушникова можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ произведеній кисти Боровиковскаго, наиболѣе типичнымъ для его живописи.

По каталогу Третьяковской галлереи этотъ портретъ считается портретомъ неизвѣстнаго, въ которомъ, однако, не трудно узнать по характернымъ чертамъ лица С. С. Кушникова.

Кромѣ уже помѣщеннаго во II т. (№ 45) изданія „Русскіе Портреты" изображенія Кушникова и прилагаемаго здѣсь, имѣются еще: миніатюра его (типа изображенія во II т.) въ собраніи Великаго Князя Николая Михаиловича и портретъ (особаго типа) во Флоренціи, принадлежащій князю Кудашеву.

(Съ портрета Боровиковскаго; находится въ Московской Третьяковской галлереѣ.)

42

SERGE SERGUÉEWITCH KOUCHNIKOFF, 1767—1839, gouverneur de St-Pétersbourg, sénateur, épousa Catherine Pétrowna Békétoff. Pour sa biographie, v. T. II, № 45 et T. III, № 197.

Le présent portrait peut être considéré comme une des meilleures productions de Borovikowsky, une des plus typiques de sa manière.

Porté au catalogue de la Galerie Trétiakoff comme portrait d'inconnu, il n'est cependant pas difficile d'y reconnaître les traits de S. Kouchnikoff.

Outre le portrait du Tome II et celui-ci, il y a encore de Kouchnikoff une miniature du même type que le premier dans la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch, et un portrait d'un type particulier chez le prince Koudacheff, à Florence.

(D'après l'original de Borovikowsky, Galerie Trétiakoff, Moscou.)

43

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ КОНОВНИЦЫНЪ, 17..—1..., генералъ-поручикъ, потомокъ древняго рода, одного происхожденія съ Романовыми, отецъ героя Отечественной войны, графа Петра Петровича Коновницына.

О П. П. Коновницынѣ-отцѣ сохранилось очень мало свѣдѣній, несмотря на то, что онъ достигъ виднаго служебнаго положенія. Съ 1785 по 1792 г. онъ былъ Петербургскимъ губернаторомъ. Храповицкій занесъ въ 1788 г. въ свой Дневникъ слѣдующій отзывъ Екатерины II о Коновницынѣ: „Здѣшній губернаторъ Петръ Петровичъ Коновницынъ глупъ". Пребываніе Коновницына на должности губернатора въ теченіе 7 лѣтъ показываетъ, однако, что Государыня все-таки цѣнила его и сдѣлала такой рѣзкій отзывъ о немъ, вѣроятно, въ минуту досады. Впослѣдствіи онъ былъ Архангельскимъ и Олонецкимъ генералъ-губернаторомъ. Коновницыну принадлежало въ Слободской Украйнѣ село Каплуновка, извѣстное по своей чудотворной иконѣ Божіей Матери. Онъ устроилъ здѣсь великолѣпную церковь, по образцу той, которая находится въ Софіи, близъ Царскаго Села. П. П. Коновницынъ скончался до 1801 года. Онъ былъ женатъ на Аннѣ Еремѣевнѣ Родзянко. Кромѣ единственнаго сына, другихъ дѣтей у него не было.

(Съ портрета Левицкаго; собственность графа В. П. Коновницына, въ Москвѣ.)

43

PIERRE PÉTROWITCH KONOVNITZYNE, 17..—1..., général lieutenant, descendant d'une vieille famille de même souche que celle des Romanoff, était le père du comte Pierre Pétrowitch Konovnitzyne, le héros de la Guerre Patriotique.

De Konovnitzyne père, on ne sait que peu de chose, malgré la situation élevée à laquelle il parvint. Il fut de 1785 à 1792 gouverneur de Pétersbourg. „Le gouverneur d'ici, Pierre Konovnitzyne, est un imbécile", aurait dit de lui Catherine II en 1788, au témoignage du Journal de Khrapovitzky: les sept années qu'il resta gouverneur prouvent toutefois que l'Impératrice ne laissait pas de faire cas de lui et que cette dure appréciation ne put lui échapper que dans un moment de dépit. Konovnitzyne fut plus tard général gouverneur d'Arkhangel et d'Olonetz. Propriétaire en Ukraine du bourg de Kaplounovka renommé pour sa Vierge miraculeuse, il y fit élever une église somptueuse sur le modèle de celle de Sofia, près Tzarskoïé Sélo.

Konovnitzyne mourut avant 1801. Il avait épousé Anne Eréméewna Rodzianko, dont il n'eut que son fils unique.

(D'après un original de Lévitzky, appartenant au comte V. Konovnitzyne, Moscou.)

44

ПЕТРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ДУБОВИЦКІЙ, 1753—1825, богатый помѣщикъ, имѣвшій обширныя земельныя владѣнія въ нѣсколькихъ губерніяхъ, въ гражданской службѣ дослужился только до чина надворнаго совѣтника и велъ жизнь частнаго человѣка, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ въ своихъ вотчинахъ. „Природный умъ его отличался безпощадной логикой", говоритъ хорошо знавшій его Д. Н. Свербеевъ, „и потому онъ былъ человѣкъ практичный до мелочи, хозяинъ-помѣщикъ строгости и точности неумолимой, но всегда справедливый"; деревни его около Рязани отличались рѣдкимъ порядкомъ и устройствомъ, а крестьяне, по своему богатству, были чуть ли не первыми во всей губерніи; ни одинъ изъ нихъ (а у него ихъ было до 2000, если не болѣе) не смѣлъ и подумать выпить когда-нибудь водки: „Пей пива, сколько хочешь", говаривалъ онъ имъ, „выпьешь водки—иди въ рекруты, не годенъ—отправляйся на поселеніе". Каждый вечеръ онъ аккуратно выкладывалъ ассигнаціи и золото для провѣрки кассы и для записи дневного прихода и расхода въ приходорасходную книгу. Этотъ „безпощадный, отъявленный врагъ масоновъ", всего ненормальнаго и мистическаго, имѣлъ несчастье видѣть единственнаго сына своего Александра Петровича выступившимъ въ роли основателя странной мистической секты „внутреннихъ поклонниковъ Господнихъ". Старикъ требовалъ отъ сына „прекратить разномысліе съ нимъ въ религіи", но все было тщетно; сынъ, по выраженію того же Свербеева, „одичалъ совершенно, жилъ не столько въ обществѣ людей, сколько съ духами", и былъ, наконецъ, сосланъ въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь. Старикъ Дубовицкій пользовался большимъ уваженіемъ въ обществѣ, и Александръ I, сославъ его сына въ монастырь, счелъ нужнымъ извиниться передъ отцомъ: „Хотя я и опредѣлилъ послать въ монастырь вашего сына", сказалъ Императоръ Дубовицкому при пріемѣ Рязанскаго дворянства, „однако Я, своей особой, въ этомъ не виноватъ, не виноватъ".

П. Н. Дубовицкій не долго прожилъ послѣ катастрофы, постигшей его сына; онъ умеръ 4 Ноября 1825 года и погребенъ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность О. Л. Мерхелевичъ, с. Степькино, Рязанской губ.)

44

PIERRE NIKOLAEWITCH DOUBOVITZKY, 1753—1825, riche propriétaire foncier, possesseur d'immenses domaines dans plusieurs gouvernements, ne dépassa pas le rang de conseiller de cour au service civil et se retira dans la vie privée pour se consacrer à l'exploitation de ses terres. „Naturellement doué d'une logique rigide", dit de lui Sverbéeff, qui le connut bien, „et par suite esprit pratique d'une minutie extrême, ce fut un propriétaire d'une sévérité et d'une ponctualité inflexibles, mais d'une parfaite équité". Ses villages des environs de Riazan étaient des modèles d'ordre et de bonne organisation, et ses paysans sans doute les plus riches de tout le gouvernement. Pas un, sur 2000 et plus qu'ils étaient, qui osât songer à prendre de l'eau-de-vie: „De la bière, tant que vous voudrez!" répétait-il; „de l'eau-de-vie, au régiment! Et ceux qui ne sont pas bons pour le service, en Sibérie!" Tous les soirs, il faisait sa caisse à fond, billets et or, et inscrivait les dépenses et recettes de la journée. „Ennemi déclaré, intraitable, des francs-maçons" et de tout ce qui était anormal et mystique, il eut la douleur de voir son fils unique Alexandre fonder l'étrange secte mystique des Adorateurs intimes du Seigneur. Il le somma de „revenir aux croyances de son père", mais tout fut inutile: devenu, dit le même Sverbéeff, „absolument insociable, vivant moins dans la société des hommes que dans celle des esprits", le jeune homme finit par se faire reléguer au monastère St-Cyrille, à Bélozersk. Le vieux Doubovitzky jouissait de toute l'estime de la société, et Alexandre Ier ne crut pas devoir prendre cette mesure sans s'excuser près de lui: „J'ai bien fait cloîtrer votre fils", lui dit-il à une réception de la noblesse de Riazan, „mais personnellement je n'y suis pour rien, pour rien".

Doubovitzky ne survécut que peu de temps à cette catastrophe; il mourut le 4 novembre 1825, et fut inhumé au monastère Donskoï, à Moscou.

(D'après un original de Borovikowsky, appartenant à O. Merkhélewitch, Stenkino, gouv. de Riazan.)

АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ ДУБОВИЦКІЙ, 1782—1848, сынъ Петра Николаевича Дубовицкаго, отъ брака съ Надеждой Ивановной Медвѣдской, родился 6 Января 1782 года. Онъ служилъ въ Преображенскомъ полку и вышелъ въ отставку, съ чиномъ подполковника. Въ 1808 г. женился на Маріи Ивановнѣ Озеровой и имѣлъ отъ нея сына Петра, извѣстнаго хирурга и главнаго военно-медицинскаго инспектора, и дочерей Надежду и Софію. Съ юныхъ лѣтъ Дубовицкій обнаруживалъ склонность къ чтенію Св. Писанія и уединенному „размышленію объ исправленіи нравственнаго своего состоянія". Потеря жены, умершей въ 1821 г., окончательно пошатнула его душевное равновѣсіе. Познакомившись съ сектантами квакерско-хлыстовскаго типа, которыми въ то время кишѣлъ Петербургъ, Дубовицкій въ 1823 г. выступилъ въ качествѣ „всемірнаго миссіонера", основателя секты „внутреннихъ поклонниковъ Господнихъ", въ противоположность „устнымъ" христіанамъ, т.-е. членамъ видимой Церкви, чтущимъ Бога одними устами. Ученіе его имѣло успѣхъ въ селахъ Скопинской военно-коннозаводской волости, Рязанской губерніи, Липягахъ и Горловѣ. Мѣстный священникъ донесъ по начальству. Дѣло дошло до митрополита Серафима, Комитета Министровъ и самого Государя. Аракчеевъ, въ то время собиравшій „горящее угліе" на голову князя А. Н. Голицына, съ радостью ухватился за это дѣло, чтобы повредить князю Голицыну, благоволившему къ Дубовицкому, и въ 1824 г. добился ссылки Дубовицкаго въ Кирилловъ Бѣлоозерскій монастырь. Послѣ удаленія отъ дѣлъ Аракчеева, Дубовицкій 7 Августа 1826 г. былъ освобожденъ и въ 1828 г. поселился въ Москвѣ на Шаболовкѣ, гдѣ продолжалъ собирать около себя „внутреннихъ" христіанъ. Болѣе благодушныя, чѣмъ благоразумныя, духовныя лица, въ родѣ митрополита Серафима, признавали Дубовицкаго „истиннымъ христіаниномъ". Но такое легкомысленное отношеніе къ дѣламъ вѣры было несвойственно Московскому митрополиту Филарету, который не находилъ возможнымъ „ослаблять предосторожность" по отношенію къ этому фанатику. Когда же Дубовицкій уловилъ въ свои сѣти Московскаго ученаго монаха, инспектора Академіи архимандрита Платона Казанцева, Филаретъ счелъ своимъ долгомъ пресѣчь соблазнъ. Дубовицкій въ 1833 г. былъ сосланъ въ Саровскую пустынь, въ 1839 г. былъ переведенъ въ Седміезерную пустынь, близъ Казани, гдѣ сынъ его былъ профессоромъ, въ 1840 г.—въ Казанскій Кизичскій монастырь, а съ переводомъ сына въ Петербургъ—въ Новгородскій Перекомскій монастырь. Въ 1842 г. Дубовицкій былъ освобожденъ и отданъ на поруки сыну. А. П. Дубовицкій умеръ 6 Сентября 1848 г. въ с. Суходолѣ, Елецкаго уѣзда, и погребенъ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ. Дубовицкій былъ высокаго мнѣнія о „данномъ ему отъ Бога дарѣ", считалъ себя „миссіонеромъ, посланнымъ отъ Бога" для просвѣщенія, если не всего міра, то всей Россіи. На самомъ дѣлѣ это былъ заурядный „фанатикъ и энтузіастъ", какихъ развелось много въ вѣкъ послѣреволюціонной реакціи, умственно не уравновѣшенный человѣкъ, „заблужденный безмѣрнымъ чтеніемъ Библіи, безъ должнаго о ней понятія". Секта Дубовицкаго ничѣмъ не отличалась отъ другихъ расплодившихся въ то время квакерскихъ и хлыстовскихъ сектъ. Въ ней были тѣ же разглагольствія о любви, братствѣ, исканіи Бога, то же „алканіе" напитія Божія Духа, тотъ же внѣшній аскетизмъ и пуританизмъ, доходившій до ношенія веригъ, бичеванія и экстатическихъ тѣлодвиженій, тѣ же самодѣльныя, нелѣпыя по формѣ и бѣдныя содержаніемъ пѣсни. Дубовицкій иногда доходилъ до смѣшного, въ родѣ предпринятаго имъ нелѣпаго путешествія на баржахъ изъ Петербурга въ Москву со всѣмъ своимъ штатомъ „внутреннихъ" христіанъ, распѣвавшихъ его нескладные „распѣвцы". Онъ обнаруживалъ тупое изувѣрство: воспитывавшихся у него дѣтей били за недостатокъ „Христова духа", морили голодомъ и тяжелымъ ученьемъ. Враги Дубовицкаго распускали слухи, что онъ „ханжа, поселяющій развратъ", „соблазняющій невинныхъ дѣвицъ" и распространяющій оскопленіе среди женщинъ. Подобно многимъ проповѣдникамъ духовнаго христіанства, Дубовицкій приманивалъ простонародье щедрыми подачками и угощеніями подъ громкимъ названіемъ „трапезъ любви". Проповѣдуя, что „по свѣтскому онъ баринъ, а по духовному всѣмъ равенъ", и раздавая лобзанія любви, Дубовицкій въ сущности оставался бариномъ-крѣпостникомъ, аристократомъ, презиравшимъ плебеевъ. Люди его круга собирали въ свои усадьбы крѣпостныхъ людей и устраивали изъ нихъ оркестры и балетныя труппы; Дубовицкій изъ отторгнутыхъ отъ семей крестьянскихъ дѣтей устроилъ „школу благочестія и добронравія", чтобы помѣщичьей властью вести свои крѣпостныя души насильно въ Царствіе Небесное.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность О. Л. Мерхелевичъ, с. Стенькино, Рязанской губ.)

ALEXANDRE PÉTROWITCH DOUBOVITZKY, 1782—1848, fils de Pierre Nikolaewitch Doubovitzky et de Nadejda Ivanowna, née Medvedsky, naquit le 6 janvier 1782. Officier au régiment Préobragensky, il fut retraité lieutenant-colonel. Il épousa en 1808 Marie Ivanowna Ozéroff, dont il eut un fils, Pierre, connu comme chirurgien et inspecteur général du service de santé militaire, et deux filles, Nadejda et Sophie. Tout jeune encore, il aimait à lire les Ecritures et à s'isoler pour „méditer sur son perfectionnement moral". La perte de sa femme, en 1821, compromit définitivement l'équilibre de ses facultés. Il se lia avec des adeptes de sectes du genre des quakers et flagellants dont foisonnait alors Pétersbourg, et, en 1823, se fit „missionnaire mondial", et fonda la secte des Adorateurs intimes du Seigneur, par opposition aux membres de l'Eglise visible, qui n'adorent Dieu qu'en paroles. Sa propagande eut du succès dans le district des haras militaires de Skopine, gouvernement de Riazan, aux bourgs de Lipiagui et Gorlovo. Un curé du pays fit une dénonciation; l'affaire parvint jusqu'au métropolite Séraphin, au Comité des Ministres et à l'Empereur même. Araktchéeff, alors occupé à „tailler des croupières" au prince A. Golitzyne, fut enchanté de saisir cette occasion de faire du tort au ministre, qui vit en 1824 son protégé Doubovitzky cloîtré au monastère St-Cyrille, à Bélozersk. Araktchéeff tombé, Doubovitzky fut mis en liberté le 7 août 1826, et se fixa en 1828 à Moscou, où il continua à rassembler autour de lui des Adorateurs intimes. Il se trouva des ecclésiastiques de plus de bonté d'âme que de bon sens, comme le métropolite Séraphin, pour le déclarer „un vrai chrétien". Semblable légèreté en matière de foi n'était pas le fait du métropolite de Moscou Philarète, qui n'estima pas pouvoir „relâcher la surveillance" à exercer sur ce fanatique, et crut devoir s'interposer lorsqu'il eut pris dans ses filets un savant moine de Moscou, l'archimandrite Platon Kazantzeff, inspecteur de l'Académie Ecclésiastique. Cloîtré en 1833 au monastère Sarowsky, Doubovitzky fut transféré en 1839 au monastère Sedmiyézerny, près de Kazan, où son fils était professeur, en 1840, au monastère Kizitchsky à Kazan même, puis, quand son fils fut nommé à Pétersbourg, au monastère Pérékomsky de Novgorod. Relâché en 1842, sous la caution de ce fils, il mourut en 1848 à Soukhodol, district d'Eletz, et fut inhumé au monastère Donskoï, à Moscou.

Infatué de „ce don qui lui avait été dévolu par Dieu", il se considérait comme „missionnaire chargé par Dieu" d'enseigner sinon tout l'univers, du moins toute la Russie. Au fond, c'était un simple „fanatique et exalté" comme en vit tant l'époque de réaction qui vint après la Révolution, un déséquilibré „dévoyé à force d'avoir lu la Bible sans y rien comprendre". Sa secte ne différait en rien de celles de quakers et de flagellants si nombreuses alors: mêmes déclamations sur la charité, la fraternité, la recherche de Dieu, même „soif" de découvrir l'Esprit de Dieu, mêmes formes d'ascétisme et de puritanisme poussées jusqu'à se charger de chaînes, jusqu'à la flagellation et aux contorsions extatiques, mêmes chants composés pour la circonstance, mal tournés comme forme, indigents comme fond. Doubovitzky bravait même le ridicule, quand il faisait, par exemple, cet absurde voyage par eau de Pétersbourg à Moscou avec tout son effectif d'Adorateurs intimes psalmodiant ces malheureuses „mélopées". Un fanatisme stupide lui faisait battre, exténuer de privations et de travail les enfants confiés à ses soins quand ils n'avaient pas „l'Esprit du Christ" nécessaire. La malveillance lui fit le renom d'„un bigot qui semait la débauche, déshonorait les filles honnêtes" et encourageait la castration des femmes. Comme d'autres apôtres de ce christianisme spirituel, il attirait le peuple par des cadeaux et des festins décorés du nom pompeux d'„agapes d'amour". Tout en se prétendant „un monsieur pour le monde, un homme comme les autres en esprit", tout en distribuant des accolades d'amour, c'était au fond un partisan acharné du servage, un aristocrate méprisant la plèbe. Les gens de son monde introduisaient les serfs dans leurs manoirs pour en former des orchestres et des troupes de ballet; lui arrachait les petits paysans à leurs familles pour en peupler son „école d'honnêteté et de morale": c'était l'autorité seigneuriale traînant de force au Royaume des Cieux ces âmes paysannes.

(D'après un original de Borovikowsky, appartenant à O. Merkhélewitch, Stenkino, gouv. de Riazan.)

46

НАДЕЖДА ИВАНОВНА ДУБОВИЦКАЯ, 1754—1849, рожденная Медвѣдская, жена Петра Николаевича Дубовицкаго (р. 1753 г., † 1825 г.), мать извѣстнаго сектанта Александра Петровича, родилась 13 Января 1754 года.

Когда ея сынъ былъ сосланъ въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, она, въ 1826 г., обратилась къ Государю съ просьбой оказать милосердіе къ сиротствующимъ ея внукамъ и ея преклонному восьмидесятилѣтнему возрасту и повелѣть освободить ея сына изъ монастыря, чтобы онъ могъ успокоить ея старость и закрыть ей глаза и тѣмъ дать ей единственную отраду, которой не получилъ ея покойный мужъ при своей кончинѣ. 8 Марта прошеніе Дубовицкой было доложено Государю княземъ А. Н. Голицынымъ, и Николай I поручилъ ему передать ей, „чтобы она взяла терпѣніе". Не получая долго отвѣта на свое прошеніе (Голицынъ отвѣтилъ ей только 4 Мая), Дубовицкая обратилась къ митрополиту Серафиму. Наконецъ, 7 Августа Александръ Петровичъ Дубовицкій былъ выпущенъ изъ монастыря.

По свидѣтельству ея правнучки, Н. Н. Дубовицкая пережила своего сына († 6 Сентября 1848 г.) на полгода, слѣдовательно, скончалась въ 1849 г. въ очень преклонномъ возрастѣ. Кромѣ сына, у нея была еще дочь Елизавета (р. 1791 г., † 1847 г.), бывшая замужемъ за М. Ѳ. Протасьевымъ.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность О. А. Мерхелевичъ, с. Стенькино, Рязанской губ.)

46

NADEJDA IVANOWNA DOUBOVITZKY, 1754—1849, née Medvedsky, femme de Pierre Nikolaewitch Doubovitzky (1753—1825), mère du dissident connu Alexandre Doubovitzky, naquit le 13 janvier 1754.

Lorsque celui-ci eut été cloîtré au monastère St-Cyrille, à Bélozersk, elle implora en 1826 la grâce de l'Empereur pour ses petits-enfants orphelins et ses quatre-vingts ans, en lui demandant de rendre la liberté à son fils pour lui permettre de venir consoler sa vieille mère et lui fermer les yeux, bonheur suprême qui n'avait pas été donné à son défunt époux. La requête fut présentée le 8 mars par le prince A. Golitzyne, qui reçut l'ordre de lui répondre de „prendre patience", mais lui fit attendre la réponse jusqu'au 4 mai; dans l'intervalle elle s'était adressée au métropolite Séraphin: le reclus finit par recouvrer sa liberté le 7 août.

Au témoignage de son arrière-petite-fille, Mme Doubovitzky mourut six mois après son fils († 6 septembre 1848), par conséquent en 1849, à un âge très avancé. Outre ce fils, elle eut encore une fille, Elisabeth (1791—1847), mariée à M. Protassieff.

(D'après un original de Borovikowsky, appartenant à O. Merkhélewitch, Stenkino, gouv. de Riazan.)

Князь **НИКИТА ИВАНОВИЧЪ ДОНДУКОВЪ-КОРСАКОВЪ**, 1775—1857, сынъ отставного гвардіи поручика Ивана Ивановича Корсакова (р. 1735 г., † 1805 г.), отъ брака его съ Агаѳьей Григорьевной Коновницыной (р. 1750 г., † 1826 г.), получилъ домашнее воспитаніе подъ руководствомъ гувернеровъ, нѣмца и эмигранта француза, сдѣлавшихъ изъ него блестящаго молодого человѣка съ манерами французскаго маркиза и рыцарскими порывами, дамскаго кавалера, музыканта и поэта, и въ то же время русскаго помѣщика, проникнутаго идеями крѣпостного права. Записанный въ младенчествѣ въ Преображенскій полкъ, а затѣмъ въ Конную гвардію, онъ въ 1796 г. былъ произведенъ въ корнеты и явился въ полкъ. Красивый молодой человѣкъ, прекрасный ѣздокъ, Корсаковъ пользовался успѣхомъ и по службѣ, и въ обществѣ. Его замѣтилъ самъ Государь и пожаловалъ ему Мальтійскій крестъ. Въ чинѣ штабсъ-ротмистра, 11 Января 1800 г., онъ былъ переведенъ въ Кавалергардскій полкъ, но 13 Декабря того же года отставленъ отъ службы за болѣзнью, съ чиномъ коллежскаго совѣтника, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ. Въ гражданскую службу Корсаковъ, однако, не вступилъ, а женился въ 1801 г. на богатой невѣстѣ—княжнѣ Вѣрѣ Іоновнѣ Дондуковой, мать которой была также изъ рода Корсаковыхъ. По ходатайству княгини Дондуковой, имѣвшей единственную дочь, ея зять получилъ 15 Іюля 1802 г. разрѣшеніе именоваться княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ. Послѣ смерти отца князь получилъ въ управленіе родовое Порховское имѣніе, село Полоную, а теща передала ему мѣстечко Романово (Могилевской губ.); но онъ, не будучи любителемъ сельскаго хозяйства, предоставилъ все управляющимъ, а самъ занялся устройствомъ трехъ конныхъ заводовъ съ великолѣпными конюшнями, которые приносили ему одни только убытки. Въ 1812 г. Дондуковъ-Корсаковъ зачислился въ ополченіе, а послѣ войны былъ выбранъ въ Гдовскіе предводители дворянства и прослужилъ въ этой должности нѣсколько трехлѣтій (до 1827 г.), живя большею частью въ Петербургѣ и только на короткое время пріѣзжая осенью въ Гдовское имѣнье матери, гдѣ вполнѣ отдавался своему любимому занятію—псовой охотѣ. У него была еще страсть къ разнымъ рѣдкостямъ, и его домъ представлялъ цѣлый музей съ картинной галлереей, собраніемъ помпейскихъ и этрусскихъ вазъ, мозаикъ и т. п. Онъ былъ радушный хозяинъ и любилъ, когда у него бывали гости. Долго сохранялъ онъ обычаи стариннаго барства и едва не послѣдній пересталъ ѣздить по Петербургу въ громадной каретѣ съ четверкой лошадей цугомъ, съ двумя ливрейными лакеями въ парикахъ. Смерть жены въ 1833 г. произвела перемѣну въ жизни князя: онъ прекратилъ пріемы гостей, сталъ одѣваться небрежно и ѣздить не въ своей каретѣ, а на извощикахъ. У него остались только двѣ страсти: къ рѣдкостямъ и къ театру. Каждое утро онъ посѣщалъ Толкучій рынокъ, разыскивая рѣдкости, а вечера проводилъ въ театрѣ или циркѣ, перѣдко засыпая въ своемъ креслѣ. Какъ любитель живописи, Дондуковъ-Корсаковъ былъ членомъ Академіи Художествъ и часто оказывалъ помощь бѣднымъ художникамъ. Онъ былъ также дѣятельнымъ членомъ Комитетовъ: тюремнаго и для призрѣнія нищихъ, и съ большой сердечной теплотой и вниманіемъ относился къ арестантамъ и нищимъ (продолжательницей такой его филантропической дѣятельности была его родная внучка, недавно умершая, княжна Марія Михайловна Дондукова-Корсакова). Благодаря своей простотѣ и добродушію, онъ дѣлался иногда жертвой мошенниковъ, но еще чаще его помощь приносила дѣйствительную пользу многимъ несчастнымъ и давала возможность имъ выйти въ люди. Въ семьѣ своей князь старался не быть никому въ тягость, и поэтому всѣ любили добраго и веселаго старика, до конца жизни пользовавшагося прекраснымъ здоровьемъ. Не обладая выдающимся умомъ, немного тщеславный, князь Дондуковъ-Корсаковъ былъ простой человѣкъ съ мягкимъ сердцемъ и отзывчивой душой. Скончался онъ въ глубокой старости 3 Іюля 1857 г. и погребенъ въ своемъ родовомъ имѣніи Полоной. У него была единственная дочь, Марія (р. 1803 г., † 1884 г.), вышедшая замужъ за Михаила Александровича Корсакова, который и унаслѣдовалъ фамилію и титулъ князя Дондукова-Корсакова.

(Съ портрета Букина; находится въ Императорской Академіи Художествъ.)

Le prince NIKITA IVANOWITCH DONDOUKOFF-KORSAKOFF, 1775—1857, fils du lieutenant de la Garde en retraite Ivan Ivanowitch Korsakoff (1735—1805) et d'Agathe Grigoriewna, née Konovnitzyne (1750—1826), fut élevé dans sa famille sous la direction de deux gouverneurs, un allemand et un émigré français, qui en firent un jeune homme brillant aux manières de marquis français, aux élans chevaleresques, galant cavalier, musicien et poète, mais en même temps propriétaire russe dans l'âme, imbu des idées du servage. Enrôlé tout enfant au régiment Préobragensky, puis à la Garde à cheval, il passa cornette en 1796 et alla alors prendre son service. Bel homme, excellent cavalier, il eut du succès tant au régiment que dans le monde: l'Empereur lui-même le remarqua et lui conféra la croix de Malte. Capitaine de cavalerie en second, il passa le 11 janvier 1800 au régiment des Chevaliers-Gardes, mais dut le 13 décembre suivant donner sa démission pour raisons de santé et permuter au service civil avec rang de conseiller de collège. Il ne reçut pourtant pas son affectation et fit en 1801 un mariage riche avec la princesse Véra Ionowna Dondoukoff, dont la mère, une Korsakoff, elle aussi, sollicita, et obtint le 15 juillet 1802, pour le mari de cette fille unique l'autorisation de porter le nom de Dondoukoff-Korsakoff. A la mort de son père, le prince hérita du domaine patrimonial de Polonaïa, près Porkhoff, auquel s'ajouta la propriété de Romanovo, gouvernement de Mohileff, cédée par sa belle-mère; mais, peu soucieux de faire de l'exploitation, il installa partout des intendants et, pour lui, s'occupa d'organiser trois haras avec de somptueuses écuries: il ne fit qu'y engloutir de grosses sommes. En 1812, il s'enrôla dans la milice, puis, élu à la paix maréchal de la noblesse de Gdowsk, y fit plusieurs triennats, jusqu'en 1827, résidant presque constamment à Pétersbourg et ne venant à Gdowsk qu'à l'arrière-saison passer quelque temps dans la propriété de sa mère et se livrer tout entier à son occupation favorite, la chasse à courre. Il avait une autre passion, celle des antiquités; son intérieur était un vrai musée, avec galerie de tableaux, collection de vases pompéïens et étrusques, de mosaïques, etc.... Il aimait recevoir, et ses réceptions étaient empreintes d'une grande cordialité. Il conserva longtemps les vieux usages et fut peut-être le dernier à montrer dans Pétersbourg un immense carrosse à quatre chevaux à la Daumont, avec deux laquais en livrée et en perruque. La mort de sa femme en 1833 fit un grand changement dans sa manière de vivre: il cessa ses réceptions, se mit à s'habiller négligemment et à sortir en voiture de louage. Il ne lui resta que deux passions, les antiquités et le théâtre. Tous les matins, il allait à la découverte au bric-à-brac, et le soir, au spectacle ou au cirque, où il dormait parfois dans son fauteuil. Comme amateur de peinture, il fut membre de l'Académie des Beaux-Arts et vint souvent en aide aux artistes pauvres. Egalement membre actif du Comité des prisons et du Comité d'assistance aux indigents, il témoignait aux détenus et aux malheureux une cordiale et chaleureuse sollicitude, et eut comme continuatrice de son œuvre de philanthropie sa petite-fille récemment décédée, la princesse Marie Mikhaïlowna Dondoukoff-Korsakoff. Si sa simplicité et sa bonhomie le rendirent parfois dupe d'aventuriers, il eut plus souvent encore la satisfaction d'apporter un véritable soulagement à bien des infortunes et de remettre à flot bien des désespérés. Dans la famille, tout le monde chérissait l'excellent vieillard, toujours de bonne humeur, toujours soucieux de n'être à charge à personne, et qui conserva jusqu'au bout une magnifique santé. Sans rien d'extraordinaire comme tête, un peu fat, le prince Dondoukoff-Korsakoff fut un brave homme au cœur sensible et à l'âme tendre. Il mourut dans une vieillesse avancée le 3 juillet 1857, et fut inhumé dans son domaine patrimonial de Polonaïa. Il eut une fille unique, Marie (1803—1884), mariée à Michel Alexandrowitch Korsakoff, héritier du titre et du nom des princes Dondoukoff-Korsakoff.

(D'après l'original de Boudkine, Académie Impériale des Beaux-Arts.)

ГРИГОРІЙ ПЕТРОВИЧЪ МИЛОРАДОВИЧЪ, 1765—1828, сынъ генералъ-майора и послѣдняго полковника Черниговскаго полка Петра Степановича Милорадовича, отъ брака его съ Софіей Семеновной Полуботокъ, родной внучкой знаменитаго гетмана Павла Полуботка, родился 8 Января 1765 г. въ Черниговѣ. Принадлежа къ первостепенной Малороссійской знати и обладая громаднымъ состояніемъ и вліятельнымъ родствомъ, Милорадовичъ, кромѣ того, получилъ еще прекрасное образованіе за границей, въ Кенигсбергѣ и Геттингенѣ. Все обезпечивало ему блестящую карьеру. Въ 1773 г., 28 Марта, онъ былъ зачисленъ въ службу сержантомъ въ 1-й Гренадерскій полкъ, а въ Мартѣ 1778 г. былъ отправленъ за границу, вмѣстѣ съ молодымъ Михаиломъ Андреевичемъ Милорадовичемъ (будущій герой Отечественной войны и графъ) и воспитателемъ И. Л. Данилевскимъ (отецъ историка войнъ Александровскаго царствованія А. И. Михайловскаго-Данилевскаго). Отецъ, отправляя сына, далъ подробную инструкцію объ обученіи его разнымъ языкамъ и „сціенціямъ", въ число которыхъ также входило рисованіе, фехтованіе, музыка „на скрипицу и на клавирѣ"…. И позднѣе Милорадовичъ любилъ поиграть временами на своихъ скрипкѣ или віолончели работы Страдиваріуса. Германію онъ вспоминалъ охотно и до конца жизни получалъ нѣмецкія газеты, которыя читалъ по утрамъ, во время кофе. Милорадовичъ прослушалъ серіозные университетскіе курсы въ Кенигсбергѣ и Геттингенѣ и особенно, всю жизнь, гордился похвалами „самого" Канта, тогда какъ его младшій спутникъ, Михаилъ Андреевичъ (р. 10 Октября 1771 г.), „былъ гораздо менѣе любознателенъ и мало читалъ". Позднѣе, 20 лѣтъ спустя, уже герой, Милорадовичъ писалъ: „Я прохожу съ удовольствіемъ мѣста, гдѣ съ вами вмѣстѣ проводили юность". Жизнь на чужбинѣ, однако, надоѣла, и Г. П. Милорадовичъ просилъ отца вернуть его на родину, такъ какъ онъ „пылаетъ горячимъ желаніемъ отечеству младыми и наиспособнѣйшими лѣтами служить". Въ 1786 г. Милорадовичъ вышелъ капитаномъ изъ военной службы, по слабости здоровья, и опредѣленъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, гдѣ и состоялъ при родственникѣ своемъ, знаменитомъ А. А. Безбородко. Въ 1789 г. онъ былъ назначенъ Малороссійскимъ почтъ-директоромъ; въ 1792 г. произведенъ въ коллежскіе совѣтники, въ 1795 г.—въ статскіе, а въ 1797 г. получилъ 414 душъ въ Черниговской губерніи. Въ томъ же году, 2 Мая, назначенъ Малороссійскимъ генеральнымъ судьей, въ 1799 г. получилъ орденъ св. Анны 1-й ст. и въ 1801 г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Въ 1802 г. Милорадовичъ былъ назначенъ Таврическимъ губернаторомъ, сдѣланъ тайнымъ совѣтникомъ и получилъ орденъ св. Владиміра 2-й степени. Оставался, однако, губернаторомъ онъ недолго и въ 1803 г. вышелъ въ отставку, посвятивъ себя всецѣло сельскому хозяйству въ своихъ многочисленныхъ имѣніяхъ и заботамъ о своихъ крѣпостныхъ.

Служебнымъ успѣхамъ Милорадовича не мало способствовала его женитьба, 5 Сентября 1787 года, на Александрѣ Павловнѣ Кочубей (р. 176 . г., † 1838 г.), родной сестрѣ Виктора Кочубея, будущаго князя, и племянницѣ князя Безбородко, отъ которой у него было 7 сыновей: Александръ, Алексѣй, Иларіонъ, Дмитрій, Михаилъ, Сергѣй и Левъ, и 4 дочери: Софія, Варвара, Надежда и Елизавета.

Г. П. Милорадовичъ умеръ въ Черниговѣ 19 Мая 1828 г. и похороненъ въ Троицкомъ Ильинскомъ монастырѣ, близъ Чернигова. Тамъ же покоится и прахъ его жены.

(Съ портрета Аргунова, 1795 г.; принадлежалъ графу М. А. Милорадовичу, въ С.-Петербургѣ.)

GRÉGOIRE PÉTROWITCH MILORADOWITCH, 1765—1828, fils du général major et dernier colonel du régiment de Tchernigoff Pierre Stépanowitch Miloradowitch et de Sophie Sémenowna, née Poloubotok, petite-fille du célèbre hetman Paul Poloubotok, naquit à Tchernigoff le 8 janvier 1765. De la plus haute noblesse petite-russienne, il eut encore pour lui, avec une grosse fortune et une parenté influente, les excellentes études qu'il fit à Kœnigsberg et Gœttingen: tout lui assurait une brillante carrière. Enrôlé le 28 mars 1773 sergent au 1er régiment de grenadiers, il fut envoyé à l'étranger en mars 1778 avec le jeune Michel Andréewitch Miloradowitch, le futur héros de la Guerre Patriotique, plus tard comte, et son précepteur I. Danilewsky, le père de l'historien des guerres du règne d'Alexandre, A. Mikhaïlowsky-Danilewsky. Son père donnait en même temps des instructions détaillées sur les langues et les diverses connaissances qu'il aurait à acquérir, y compris dessin, escrime, violon, piano, etc. Et plus tard, Miloradowitch se plaisait parfois à jouer du violon ou du violoncelle sur ses Stradivarius. Il conserva de l'Allemagne le meilleur souvenir et ne cessa jamais de recevoir les journaux allemands, qu'il lisait le matin en prenant son café. Il avait fait de sérieuses études aux universités de Kœnigsberg et de Gœttingen et resta particulièrement fier toute sa vie des compliments que lui fit Kant „en personne", tandis que son jeune camarade Michel (né le 10 octobre 1771), „était beaucoup moins studieux et ne lisait guère". Et vingt ans plus tard, devenu héros, il lui écrivait: „J'ai plaisir à parcourir les lieux où nous avons passé ensemble notre jeunesse". La vie à l'étranger finit pourtant par lui peser, et il demanda à son père de le faire revenir, car „il brûlait du désir ardent de consacrer au service du pays ses années de jeunesse les plus productives". Démissionnaire en 1786 pour raisons de santé avec le grade de capitaine, il entra au Collège des Affaires étrangères comme attaché au célèbre Bezborodko son parent. En 1789, il fut nommé directeur des postes de Petite-Russie, en 1792 passa conseiller de collège, en 1795 conseiller d'état, et en 1797 reçut 414 têtes de paysans au gouvernement de Tchernigoff. Il fut fait le 2 mai de la même année grand juge en Petite-Russie, décoré en 1799 de Ste-Anne de 1re classe, et promu en 1801 conseiller d'état actuel. Il devint en 1802 gouverneur de Tauride, conseiller privé et chevalier de St-Vladimir de 2e classe. Pourtant il ne resta pas longtemps en fonctions, et prit sa retraite en 1803 pour se consacrer uniquement à l'exploitation de ses nombreuses propriétés et aux soins de ses paysans.

Miloradowitch dut en grande partie ses succès de carrière à son mariage, le 5 septembre 1787, avec Alexandrine Pavlowna Kotchubey (176.—1838), sœur du futur comte Victor Kotchubey et nièce du prince Bezborodko, dont il eut sept fils, Alexandre, Alexis, Hilarion, Dmitri, Michel, Serge et Léon, et quatre filles, Sophie, Varvara, Nadejda et Elisabeth. Il mourut à Tchernigoff le 19 mai 1828, et fut inhumé au monastère St-Elie de la Trinité, près de cette ville, où repose également sa femme.

(D'après un original d'Argounoff, 1795, ayant appartenu au comte M. Miloradowitch, St-Pétersbourg.)

Князь **ГРИГОРІЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ**, 174.—1812, сынъ князя Алексѣя Алексѣевича (р. 1716 г., † 1792 г.), отъ перваго его брака съ княжной Евдокіей Григорьевной Мышецкой, племянникъ фаворита Петра II, въ 1768 г. поступилъ въ Морской корпусъ и въ 1769 г. произведенъ въ гардемарины, послѣ чего плавалъ по Балтійскому морю и сдѣлалъ переходъ изъ Архангельска въ Кронштадтъ. Въ чинѣ мичмана (въ 1775 г.) и лейтенанта (съ 1778 г.) онъ съ 1776 по 1781 г. совершилъ нѣсколько плаваній по Средиземному морю на фрегатахъ: „Сѣверный Орелъ", „Павелъ" и „Спиридонъ"; въ 1785 г. произведенъ въ капитанъ-лейтенанты, въ 1788 г. назначенъ командиромъ брантвахтеннаго фрегата „Богемія", а въ 1789 г. помощникомъ капитана надъ галернымъ флотомъ. Въ 1797 г. Долгорукій былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга и въ томъ же году уволенъ отъ службы, съ чиномъ капитана 1-го ранга. Въ 1806 г. онъ былъ начальникомъ уѣзднаго ополченія. Князь Г. А. Долгорукій умеръ 31 Декабря 1812 года въ своемъ имѣніи с. Вязовкѣ, Борисоглѣбскаго уѣзда, Тамбовской губерніи. Долгорукій не былъ женатъ.

По отзыву дальняго родича, князя И. В. Долгорукаго, Григорій Алексѣевичъ Долгорукій былъ человѣкъ очень почтенный („un homme fort distingué et fort respectable") и одинъ изъ главныхъ и видныхъ масоновъ своего времени. По семейному же, впрочемъ мало правдоподобному, преданію, онъ участвовалъ въ слѣдственной комиссіи по дѣлу Н. И. Новикова и будто бы оказалъ важную услугу Цесаревичу Павлу Петровичу тѣмъ, что уничтожилъ доказывавшую сношенія Цесаревича съ мартинистами бумагу, съѣвъ ее; Цесаревичъ на слѣдующій же день пріѣхалъ благодарить Долгорукаго, что показалось подозрительнымъ и вызвало арестъ князя. Однако, ему удалось оправдаться, и Екатерина II пожаловала ему въ 1796 г. 1011 душъ крестьянъ въ Сквирскомъ повѣтѣ, Кіевской губерніи; имѣніе это онъ продалъ въ 1810 г. статскому совѣтнику Хвецкому. Воцареніе Павла I не оказало вліянія на судьбу Долгорукаго, вскорѣ вышедшаго въ отставку. По разсказамъ его потомковъ, онъ изъ гордости не хотѣлъ о себѣ напоминать Государю и держалъ себя независимо, даже не исполняя нѣкоторыхъ указовъ Павла I, который, однако, за это его не преслѣдовалъ.

(Съ портрета Левицкаго; собственность С. В. Арсеньева, въ Москвѣ.)

49

Le prince GRÉGOIRE ALEXÉEWITCH DOLGOROUKY, 174 .—1812, fils du prince Alexis Alexéewitch Dolgorouky (1716—1792) et de sa première femme, la princesse Eudoxie Grigoriewna, née Mychetzky, neveu du favori de Pierre II, entra en 1768 à l'Ecole Navale et fut promu garde-marine l'année suivante, après quoi il navigua sur la Mer Baltique et fit la traversée d'Arkhangel à Cronstadt. Enseigne en 1775 et lieutenant en 1778, il fit de 1776 à 1781 plusieurs croisières en Méditerranée à bord des frégates L'Aigle du Nord, Paul et Spiridon. En 1785, il passa capitaine lieutenant, puis fut nommé en 1788 commandant du stationnaire Bohême, et en 1789 capitaine adjoint de la flotte des galères. Capitaine de second rang en 1797, il fut retraité la même année comme capitaine de 1er rang. En 1806, il fut commandant d'une milice régionale. Il mourut le 31 décembre 1812 dans sa propriété de Viazovo, district de Borissoglebsk, gouvernement de Tamboff. Il n'était pas marié.

„Homme fort distingué et fort respectable", au témoignage du prince P. Dolgorouky, son parent éloigné, le prince Grégoire Dolgorouky occupa dans la franc-maçonnerie de l'époque une place considérable et marquante. C'est encore une tradition de famille, d'ailleurs peu vraisemblable, qui lui attribue un rôle dans la commission d'enquête sur l'affaire Novikoff: il aurait même rendu au Césarewitch Paul Pétrowitch le service signalé de faire disparaître en l'avalant une pièce établissant ses rapports avec les martinistes. La visite de remerciements que le Grand-Duc vint lui faire le lendemain même éveilla les soupçons: arrêté, le prince put cependant se justifier, et en 1796 Catherine II lui donna 1011 têtes de paysans au district de Skvira, gouvernement de Kieff; il vendit ce domaine en 1810 au conseiller d'état Khvetzky. L'avènement de Paul Ier n'eut aucune influence sur sa carrière, et il prit sa retraite peu après. Trop fier, disent ses descendants, pour se rappeler au souvenir de l'Empereur, il conserva une entière liberté d'allures, et laissa même sans effet plusieurs oukazes de Paul Ier, qui cependant ne lui en tint pas rigueur.

(D'après un original de Lévitzky, appartenant à S. Arsénieff, Moscou.)

Князь **ПЛАТОНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ЗУБОВЪ**, 1767—1822, третій сынъ Александра Николаевича Зубова отъ брака съ Елизаветой Васильевной Вороновой (см. т. I, № 113), родился 15 Ноября 1767 года. Записанный въ дѣтствѣ въ Семеновскій полкъ, онъ въ 1779 году перешелъ въ Конную гвардію. Когда, 18 Іюня 1789 года, произошелъ разрывъ между Екатериной II и Дмитріевымъ-Мамоновымъ, Зубовъ, въ чинѣ секундъ-ротмистра, командовалъ карауломъ въ Царскомъ Селѣ и, при содѣйствіи графа Н. И. Салтыкова, сумѣлъ обратить на себя вниманіе Императрицы. Уже 21 Іюня Зубовъ „въ вечеру былъ одинъ до 11 часовъ“ у Екатерины, а 24 Іюня Зубову было пожаловано 10/т. руб. и перстень съ портретомъ; затѣмъ, въ короткое время онъ былъ пожалованъ въ полковники, флигель-адъютанты, корнеты Кавалергардскаго корпуса, съ чиномъ генералъ-майора, и украшенъ орденами св. Анны и Александра Невскаго. Смерть Потемкина окончательно утвердила положеніе Зубова. Онъ былъ назначенъ шефомъ Кавалергардскаго корпуса, генералъ-адъютантомъ, генералъ-фельдцейхмейстеромъ, Екатеринославскимъ и Таврическимъ генералъ-губернаторомъ, начальникомъ Черноморскаго флота; ему были пожалованы богатыя имѣнія въ Литвѣ и Курляндіи, всего до 30/т. душъ, ордена Владиміра 1-й ст. и св. Андрея; Римскій Императоръ возвелъ его сначала (1793 г.) въ графское, а затѣмъ (1796 г.) въ княжеское достоинство, съ титуломъ свѣтлости. Павелъ I, въ началѣ щадившій падшаго фаворита, уже 6 Декабря 1796 г. выслалъ его за границу. Возвращенный въ Петербургъ въ концѣ 1800 г., по предложенію Палена, и назначенный шефомъ Кадетскаго корпуса, князь Зубовъ принималъ дѣятельное участіе въ событіи 11 Марта 1801 года. Подобно другимъ заговорщикамъ, князь Зубовъ не пользовался потомъ никакимъ значеніемъ. Онъ умеръ 7 Апрѣля 1822 г. въ своемъ Курляндскомъ замкѣ Руэнталь и погребенъ въ Сергіевой пустыни. Отъ брака съ Теклой Игнатьевной Валентиновичъ, заключеннаго имъ менѣе чѣмъ за годъ до смерти, онъ имѣлъ дочь Александру, умершую въ младенчествѣ. Кромѣ того, онъ имѣлъ много побочныхъ дѣтей.

Современники признавали Зубова человѣкомъ „ума недалекаго“. Это какъ нельзя болѣе подтверждаютъ его дикіе проекты: то завоеванія Константинополя флотомъ, подъ командой самой почти семидесятилѣтней Императрицы, то включенія въ предѣлы Россіи Берлина и Вѣны и созданія въ Европѣ новыхъ государствъ, какихъ-то Австразій и Нейстрій, названія которыхъ, очевидно, изъ учебника средней исторіи засѣли въ его слабой головѣ. Глупость Зубова не исключала въ немъ значительной доли коварства. Онъ искусно поддѣлался къ Салтыкову, ловко сѣлъ на мѣсто Мамонова и сумѣлъ убѣдить Екатерину въ своемъ „пріятномъ умоначертаніи“, а главное въ томъ, что онъ, не шутя, влюбленъ въ нее, какъ въ женщину, сохранившую въ 60 лѣтъ всѣ прелести юности. При Екатеринѣ онъ ратовалъ противъ „ужасовъ“ революціи, а въ 1801 году „ходилъ съ конституціей въ карманѣ“. Какъ только Зубовъ чувствовалъ себя „крѣпкимъ“, угодливость его смѣнялась чванствомъ, наглостью и неблагодарностью. Онъ былъ трусъ и скаредъ; онъ заставлялъ питаться „мірскимъ подаяніемъ“ своихъ крестьянъ и, несмотря на свой свѣтлѣйшій титулъ, велъ жизнь барышника, скитаясь по ярмаркамъ въ компаніи „жидовъ“ и комиссіонеровъ. Какъ „скупой рыцарь“, онъ спускался въ подвалы своего замка въ Янишкахъ и любовался своими сокровищами. Справедливость требуетъ признать, что нравственное паденіе Зубова въ значительной степени зависѣло отъ обстановки развращеннаго Двора Екатерины II. Сдѣлавшись „универсальнымъ министромъ“, Зубовъ видѣлъ, какъ „все ползало у ногъ его“; у него заискивали внуки Императрицы; знаменитый герой Задунайскій восхвалялъ его въ письмахъ, Державинъ—въ стихахъ, будущій князь Смоленскій готовилъ ему утренній кофе, а извѣстный спеціалистъ по артиллеріи, П. И. Мелиссино, почтительно цѣловалъ его руку. „Случай“ Зубова былъ лучшимъ апоѳеозомъ позорнѣйшаго фаворитизма, составлявшаго язву всѣхъ женскихъ правленій XVIII вѣка. Возвеличеніе этого ничтожества тѣмъ болѣе поразительно, что онъ былъ поднятъ на недосягаемую высоту не Анной или Елисаветой, а другомъ философовъ.... Впрочемъ, Екатерина, по обычаю всѣхъ старыхъ женщинъ, фальсифицировала материнскую нѣжность на почвѣ совсѣмъ иного чувства и расхваливала своего „noiraud“, какъ „un enfant fort aimable“, наивно думая увѣрить весь свѣтъ въ томъ, что она „и государству дѣлаетъ немалую пользу, воспитывая молодыхъ людей“, подобныхъ Зубову.

(Съ портрета Ламии, 1802 г.; собственность Великаго Князя Николая Михаиловича.)

S1
23

Le prince PLATON ALEXANDROWITCH ZOUBOFF, 1767—1822, troisième fils d'Alexandre Nikolaewitch Zouboff et d'Elisabeth Vassiliewna, née Voronoff, naquit le 15 novembre 1767 (v. T. I, № 115). Enrôlé tout enfant au régiment Sémenowsky, il passa en 1779 à la Garde à cheval. Capitaine de cavalerie en second et de service à Tzarskoïé Sélo, il se fit, à la faveur de la rupture survenue le 18 juin 1789 entre Catherine II et Dmitrieff-Mamonoff, signaler par le comte N. Saltykoff à l'attention de l'Impératrice. Dès le 21, il allait chez elle „passer la soirée jusqu'à 11 heures en tête-à-tête", et le 24 il recevait 10.000 roubles de gratification et une bague à portrait; après quoi il était fait coup sur coup colonel, aide de camp de Sa Majesté, cornette au corps des Chevaliers-Gardes avec rang de général major, et chevalier de Ste-Anne et de St-Alexandre Newsky. La mort de Potemkine affermit définitivement sa position: il devint chef du corps des Chevaliers-Gardes, général aide de camp, grand maître de l'artillerie, général gouverneur d'Ekatérinoslav et de Tauride, chef de la flotte de la Mer Noire, reçut en Lithuanie et en Courlande de riches propriétés qui ne comportaient pas moins de 30.000 têtes de paysans, enfin fut décoré de St-Vladimir de 1re classe et de St-André, et élevé à la dignité de comte (1793), puis prince (1796) du Saint Empire Romain, avec titre d'Altesse Sérénissime. Traité d'abord avec ménagement par Paul Ier, le favori déchu dut pourtant quitter la Russie dès le 6 décembre 1796. Rappelé à Pétersbourg à l'instigation de Pahlen vers la fin de 1800 et nommé chef du Corps des Cadets, il prit une part active à l'affaire du 11 mars 1801. Comme tous les autres conjurés, il cessa dès lors de jouer aucun rôle. Il mourut le 7 avril 1822 dans sa propriété de Ruhental, en Courlande, et fut inhumé au monastère St-Serge. Il avait épousé moins d'un an avant sa mort Thècle Ignatiewna Valentinowitch, dont il eut une fille, Alexandrine, morte en bas âge. Il laissait en outre plusieurs enfants naturels.

„Tête sans portée", Zouboff forgea un certain nombre de projets insensés qui justifient entièrement cette appréciation des contemporains: conquête de Constantinople par une flotte sous le commandement personnel de l'Impératrice, alors presque septuagénaire, annexion de Berlin et Vienne à la Russie et formation de nouveaux états européens, une Austrasie et une Neustrie, dont le nom n'était sans doute qu'une réminiscence de manuel attardée dans cette pauvre cervelle. Mais, avec toute sa sottise, il ne laissait pas d'être un fin matois. Il eut l'art de flagorner Saltykoff et de prendre la place de Mamonoff, puis le talent de persuader Catherine de la tendresse de ses sentiments, et surtout l'habileté de lui faire croire qu'elle avait conservé malgré ses soixante ans tous les charmes de la jeunesse et qu'il était pour tout de bon amoureux. Dénonciateur sous Catherine II des „horreurs" de la Révolution, en 1801 „il circulait avec une constitution dans sa poche". Dès qu'il se sentait „solide", sa flagornerie faisait place à l'ostentation, l'insolence et l'ingratitude. C'était un lâche et un ladre, qui laissait ses paysans „tendre la main"; altesse sérénissime, il courait les foires pour faire l'achat et la revente en compagnie de „juifs" et de courtiers, et, nouveau „Chevalier avare", descendait contempler ses trésors dans les caves de son château de Yanichki. Il faut toutefois lui rendre la justice que sa déchéance morale est attribuable en grande partie au régime dissolu de la Cour de Catherine II. „Ministre universel", il vit „tout ramper à ses pieds", les petits-fils de l'Impératrice le flagorner, le célèbre héros des Balkans le porter aux nues dans ses lettres et Derjavine dans ses vers, enfin le futur prince de Smolensk lui faire son café le matin et le fameux artilleur Mélissino lui baiser respectueusement la main. Son élévation est la plus belle apothéose du favoritisme éhonté qui fut le fléau de tous les règnes de femme au XVIIIe siècle, et ce coup de fortune inouï pour une semblable nullité est des plus surprenants, de la part non pas d'Anne ou d'Elisabeth, mais de l'amie des philosophes.... Catherine faisait d'ailleurs comme toutes les vieilles femmes: sous le masque d'une tendresse maternelle, c'est un tout autre sentiment qu'elle cachait en exaltant son „noiraud" comme „un enfant fort aimable", avec la naïve illusion de faire croire à tout le monde que „c'était aussi pour le plus grand bien de l'Etat qu'elle faisait l'éducation de jeunes gens" comme Zouboff.

(D'après un original de Lampi, 1802, appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

26

Пис Винбергъ

Императрица Александра Феодоровна, 1798-1860, и Императоръ Николай I, 1796-1855

Peint par Winberg

L'Impératrice Alexandra Féodorowna, 1798-1860, et l'Empereur Nicolas I, 1796-1855

Экспед. Загот. Госуд. бумагъ. Manufacture des papiers de l'Etat

Пис: Виже-Лебренъ – Peint par Vigée Lebrun

Баронъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, 1771-1815 | Le Baron Alexandre Serguéewitch Stroganoff, 1771-1815

Пис. Вуаль

Peint par Voille

Баронъ Григорій Александровичъ Строгановъ, 1770-1857

Le Baron Grégoire Alexandrowitch Stroganoff, 1770-1857

Пис: Виже-Лебренъ

Peint par Vigée-Lebrun

Баронесса Анна Сергѣевна Строганова, 1765-1824

La Baronne Anne Serguéewna Stroganoff, 1765-1824

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ – Manufacture des papiers de l'Etat

Пис. Лампи | Peint par Lampi

Князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, 1731-1804

Le Prince Michel Mikhaïlowitch Golitzyne, 1731-1804

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Пис. Лампи | Peint par Lampi

Княгиня Анна Александровна Голицына, 1739-1816 | La Princesse Anne Alexandrowna Golitzyne, 1739-1816

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'État

35

Петръ Ивановичъ Мелиссино, 1726-1797	Pierre Ivanowitch Mélissino, 1726-1797

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Пис. Лампи | Peint par Lampi

Марія Дмитріевна Мелиссино, 1740-1801 | Marie Dmitriewna Mélissino, 1740-1801

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Пис Грезъ | Peint par Greuze

Александра Евтихіевна
Демидова, 175·-178·

Alexandrine Evtikhiewna
Démidoff, 175·-178·

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Пис Вуаль ?, | Peint par Voille ?.

Екатерiна Ивановна Нелидова, 1758-1839 | Catherine Ivanowna Nélidoff, 1758-1839

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Пис: О. Кипренскій, 1827 | Peint par O. Kiprensky, 1827

Александръ Сергѣевичъ
Пушкинъ, 1799-1837

Alexandre Serguéewitch
Pouchkine, 1799-1837

Пис. О Кипренскій | Peint par O Kiprensky

Князь Никита Петровичъ Трубецкой, 1804-1855 | Le Prince Nikita Pétrowitch Troubetzkoï, 1804-1855

Пис. графъ Ротари | Peint par le Cte Rotary

Аграфена Леонтьевна Апраксина, 1719-1771 | Agrippine Léontiewna Apraxine, 1719-1771

Пис. Боровиковскій | Peint par Borovikowsky

Сергѣй Сергѣевичъ
Кушниковъ, 1765–1839

Serge Serguéewitch
Kouchnikoff, 1765–1839

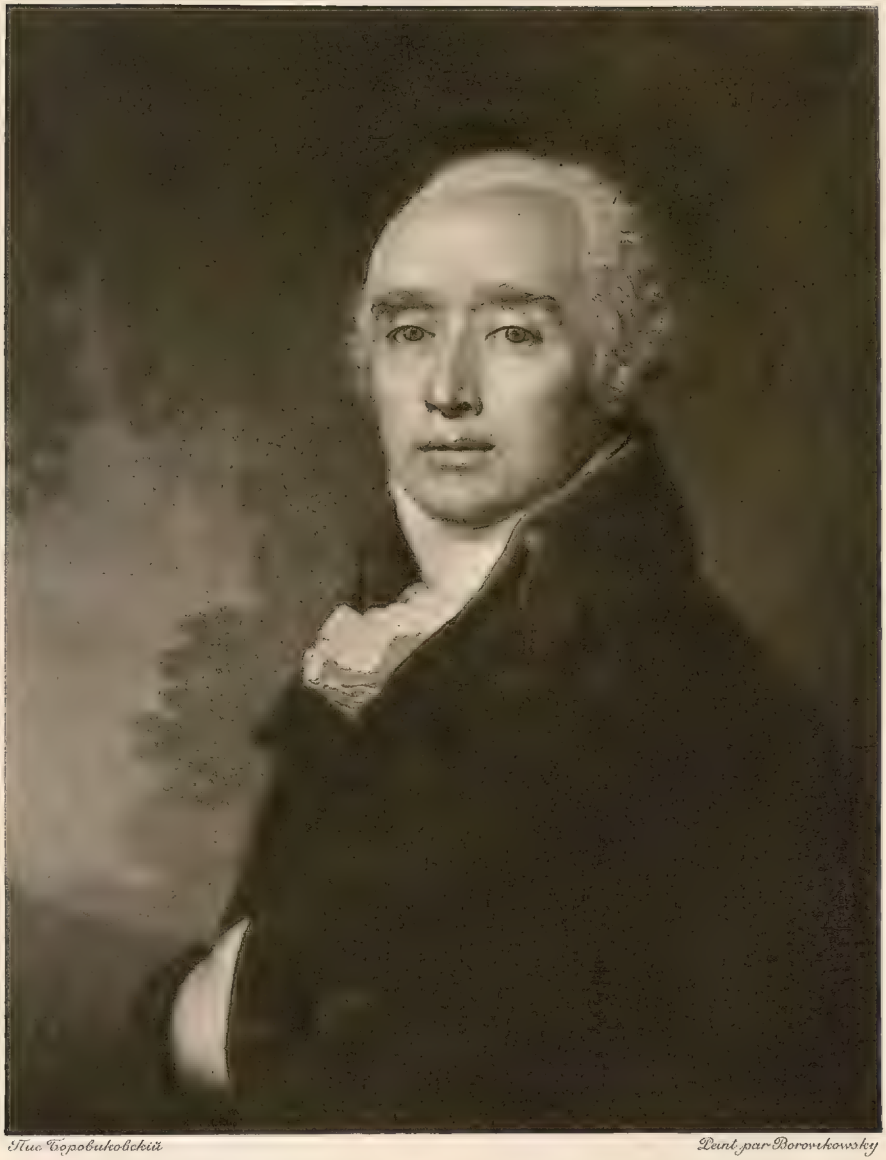
Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ   Manufacture des papiers de l'Etat

Пис: Левицкій — Peint par Lévitsky

Петръ Петровичъ Коновницынъ, 17..–17..

Pierre Pétrowitch Konovnitzyne, 17..–17..

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'État



Пис. Боровиковскій | Peint par Borovikowsky

Петръ Николаевичъ
Дубовицкій, 1753-1825

Pierre Nikolaewitch
Doubovitzky, 1753-1825

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Пис. Боровиковскій

Peint par Borovikowsky

Александръ Петровичъ Дубовицкій, 1782-1848

Alexandre Pétrowitch Doubovitzky, 1782-1848

46

Пис. Боровиковскій | Peint par Borovikowsky

Надежда Ивановна
Дубовицкая, 1754-1849

Nadejda Ivanowna
Doubovitzky, 1754 1849

47

Пис. Ф. Будкинъ | Peint par Ph. Boudkine

Князь Никита Ивановичъ
Дондуковъ-Корсаковъ, 1775-1857

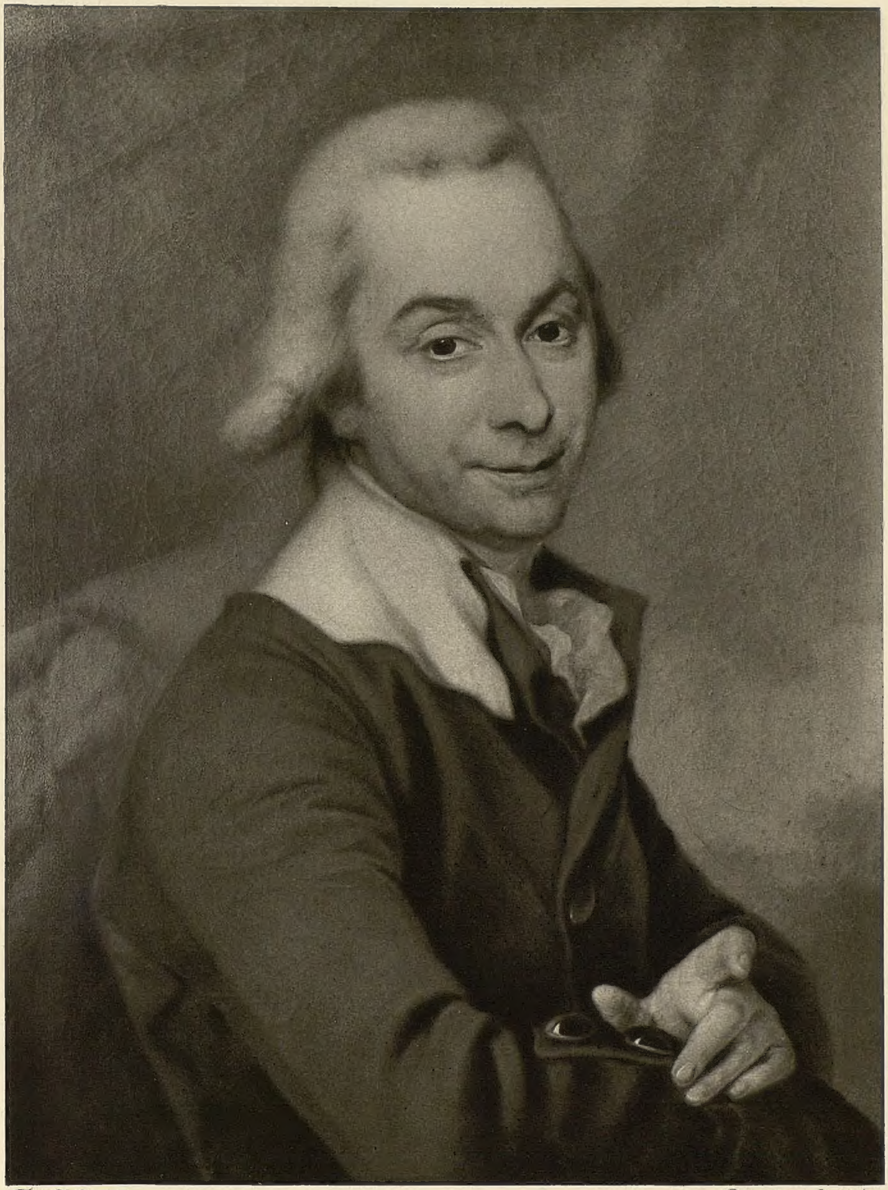
Le Prince Nikita Ivanowitch
Dondoukoff-Korsakoff, 1775-1857

48

Пис. Аргуновъ, 1795 – Peint par Argounoff, 1795

Григорій Петровичъ Милорадовичъ, 1765-1828 | Grégoire Pétrowitch Miloradowitch, 1765-1828

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'État



Пис: Левицкій

Peint par Lévitzky

Князь Григорій Алексѣевичъ
Долгорукій, 17..-1812

Le Prince Grégoire Alexéewitch
Dolgorouky, 17..-1812

Пис: Лампи, 1802

Peint par Lampi, 1802

Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ, 1767-1822

Le Prince Platon Alexandrowitch Zouboff, 1767-1822

РУССКИЕ ПОРТРЕТЫ PORTRAITS RUSSES

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

2007088100